

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

ВЛАСТЕЛИН
ВОЛИ

Спецназ. Группа Антитеррор

Максим Шахов
Властелин воли

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

Шахов М. А.

Властелин воли / М. А. Шахов — «Эксмо», 2015 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

В сибирском секретном НИИ создан уникальный прибор, позволяющий управлять сознанием и волей большого количества людей. ЦРУ ставит задачу своим агентам любой ценой заполучить это психотропное оружие. Для этой цели американский кадровый разведчик Митчелл, работающий в Москве под дипломатическим прикрытием, вербует высокопоставленного офицера внешней контрразведки России. Оборотень в погонах прибывает с проверкой в сибирский НИИ, где ему удастся и прибор захватить, и взять в заложники изобретателя Макшанцева. Оборнов угоняет вертолет и берет курс на аэродром, где его уже ждет Митчелл. Однако ученый, создавший могучее психотропное оружие, обладает необыкновенным даром, о котором офицер-предатель даже не догадывается...

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

© Шахов М. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	20
Глава IV	27
Глава V	34
Глава VI	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Максим Шахов

Властелин воли

© Шахов М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

*Для торжества зла нужно только одно условие – чтобы хорошие
люди сидели сложа руки.*

Э. Берк

Глава I

Десять часов утра. Солнце начинает греть, но еще не палит. Теплый воздух прозрачен, небо чистое и голубое, ни единого дуновения ветерка. Тихо журчит вода в фонтане, в винограднике чирикают птицы. Вся окружающая природа располагает к покою и умиротворенности.

Идиллию нарушает происходящее на спортивной площадке. Она представляет собой цирковую арену: круг, диаметром метров десять на углублении в один метр в земле, посыпан песком, по краям выложен неотесанным камнем. На площадке двое ведут поединок. Загорелый плотный атлет Абдулла, вес не менее центнера, наступает на щуплого китайца, по комплекции похожего на пятнадцатилетнего подростка. Китаец, видимо, где-то изучал стиль таеквандо, но изучал плохо. Исход боя предрешен. У китайца плетью висит левая рука, он только увертывается от зубодробительных ударов противника.

Михаил вместе с остальными курсантами наблюдает за дракой. Он, как и остальные, одет в белые спортивные холщовые штаны и короткую куртку, подпоясанную желтым поясом. Он знает, чем закончится бой. Жалости к китайцу он не испытывает, но и радости по поводу предстоящей победы Абдуллы у него тоже нет. В душе пустота. Вообще никаких эмоций. Такое ощущение в последнее время к нему приходит часто. Ощущение странное, иногда пугающее: ему кажется, что он уже не живой человек, а какой-то робот, в который заложена специальная программа: программа на убийство.

Сегодня у них зачет: обязаны показать руководству школы, чему их научили за полгода в части приобретенных навыков по рукопашному бою. «Зачет», – мысленно усмехнулся Михаил. Сколько за свою жизнь ему приходилось сдавать экзаменов и зачетов, но такой впервые. Этот зачет – право на дальнейшую жизнь. Задача простая: вырубить противника за десять минут. Бьются с «куклами». Говорят, их взяли из какой-то тюрьмы. Все они закоренелые преступники и отморозки. Но это так говорят.

Михаил дерется последним. Десять курсантов уже сдали зачет. Сдали успешно за исключением Одиссея, грека по национальности, пожалуй, самого порядочного из всех курсантов школы. Лысый турок в самом начале поединка уложил его одним ударом в затылок. Грека в бессознательном состоянии унесли на носилках. Сотрясение мозга капитальное, определил Михаил. «А почему меня поставили последним, – размышляет Михаил. – Может, для того чтобы произвести благоприятное впечатление на начальника школы. По «рукопашке» я в группе считаюсь одним из лучших. Вот только кого выставят против меня? Если такого же сопляка, как этот китаец, то я уложу его в первую же минуту и не буду издеваться над противником, как это делает сейчас Абдулла. А может, мне готовят какой-то сюрприз?»

Между тем поединок на арене приходит к своему логическому концу. Абдулла в эффектной прыжке ребром ступни нанес мощный удар в щиколотку шею китайца, который уже потерял координацию движений. Китаец упал навзничь, раскинув ноги. Он был еще в сознании и с тоскливым взглядом смотрел на приближающегося врага. Албанец подошел к поверженному противнику, который уже не подавал признаков на сопротивление, встал перед ним на колени, правой рукой взял китайца за подбородок, левой – за жидкие волосы на макушке. Резкий поворот головы – китаец дернулся в судорожной конвульсии и застыл. Взгляд остекленевших глаз по-прежнему выражал предсмертную тоску, изо рта тонкой струйкой вытекала темная кровь.

Абдулла поднялся с земли и восторженно поднял руку вверх, изображая пальцами букву V, но аплодисментов не последовало. Курсанты угрюмо смотрели на своего товарища. Лица «экзаменаторов», сидевших на ковре перед ареной, оставались каменными. Михаил заметил только, как брезгливо поморщился Рашид, их инструктор по рукопашной подготовке.

«Убрать куклу!» – крикнул он прислуге. Двое «ниндзя» подбежали к труп, взяли его за ноги и волоком утащили с площадки.

Вот и тебя, Михаил Борисович, могут сейчас так же, кольнуло вдруг в сознании Михаила, и внутри живота, под ложечкой, засосало неприятным холодком.

«Вольф!» – резко крикнул Рашид. Михаил вздрогнул. «Вольф» – это его кличка. Все курсанты в школе под кличками и никто не знает настоящего имени своего товарища в группе. Михаил встал, снял куртку, обнажив мускулистый торс, впрыгнул в круг спортивной площадки. Начал делать разминку, разогревая мышцы и суставы. Взглянул вверх. В голубом небе парили белые чайки. «Хотел бы я быть сейчас одной из них», – пришла в голову глупая мысль.

Двое «ниндзя» привели к площадке его противника, негра, похожего на гориллу. Он был широкий, весь какой-то квадратный; мускулы рельефно выступали под шоколадно блестящей кожей. Ноги как у слона, непропорционально короткие, но толстые и мощные. Однако больше всего Михаилу не понравились в его облике две детали: бычьи глаза, холодные и равнодушные (глаза убийцы, мелькнуло в сознании Михаила), и руки, напоминающие клешни рака – огромные, длинные и наверняка сильные. Не дай бог, попасть в их захват, сразу понял Михаил.

Противники поклонились на японский манер «экзаменационной комиссии». Рашид ударил молоточком по серебряной тарелочке, висевшей перед ним. Михаил почувствовал знакомое возбуждение: сердце забилося сильнее, конечности сразу стали горячими.

Они повернулись друг к другу. Негр обхватил взглядом Михаила всего сразу, словно удав кролика. Противники начали «танцевать», хотя перемещался в основном Михаил. Негр оставался практически на месте, только поворачивался к Михаилу, как слон перед нападающим тигром. Взгляд противника ничего не выражал: ни страха, ни злости. Это был пустой, равнодушный взгляд, который очень не понравился Михаилу. Он попытался сразу определить, к какой категории относится его противник: каратист, дзюдоист, борец, боксер... Самые серьезные бойцы – это представители греко-римской борьбы. Так учил Рашид, и один раз Михаилу пришлось в этом убедиться. У них очень устойчивая стойка, они легко переносят болевые приемы, держат удар, у них железный захват, но самое главное у борцов – звериная выносливость и всегда сильная воля к победе.

А ведь эта Горилла (так мысленно Михаил уже обозвал своего противника) по сложению похож на борца, вот только стойка у него какая-то странная: не то боксерская, не то борцовская. Руки полусогнуты и слегка выдвинуты вперед, сжаты в кулаках, значит, все-таки не борец.

Михаил сделал первый выпад – левой ногой боковым крюком ударил противника в бок, целя в печень. Негр отбил ногу блоком, словно прут. Реакция великолепная! Не делая паузы, Михаил в легком подскоке «выстрелил» правой ногой, словно катапультой, в лицо негра. Тот молниеносно отпрянул назад, и нога Михаила просвистела в сантиметре от подбородка противника...

Бой идет уже минут пять, но Михаил так и не добился перелома. Ни физического, ни, что очень важно, психологического. Негр пропустил несколько несильных ударов по корпусу и один касательный по голове, но для него это все равно что слону дробина. Если бы это был спортивный поединок, то я бы этот бой выиграл по очкам. А негр проиграл бы с формулировкой «за пассивность», подумал Михаил. Но это не спортивная встреча, а смертельный бой. Бой за право жить дальше! Надо менять тактику. Михаил делает резкий прыжок вправо, удар правой ногой в подколенный сгиб – подсечка – после этого идет боковой хук правой рукой в затылок. Этот прием он не раз проводил. Как правило, после этого противник падал оглушенный. Но тут происходит неожиданное: Горилла с обезьяньей ловкостью поворачивается лицом к Михаилу, левой рукой блокирует его правую руку, а правой молниеносно бьет ему прямо в лоб. Михаил пытается уклониться, но не успевает: стойка для этого не слишком удобная. Удар откидывает его в нокдаун метра на два. «Отмененный удар, – оценивает Михаил, лежа на земле, «боксерский»! В глазах темнеет, голова сразу застывает.

«Только не потерять сознание! Ни в коем случае, Миша! Если потеряю, он убьет меня». Он идет на хитрость. Разыгрывает потерю сознания, лежит неподвижно, широко раскинув руки. Сквозь ресницы он видит, как Горилла идет к нему, улыбаясь. Более страшной улыбки он еще никогда не видел. Негр встал над ним так, что тело Михаила оказалось между его слоновьих ног. Вот он тянет свои клешни к его шее...

Незаметно Михаил берет в горсти песок и резко бросает его в лицо противника. Тот явно не ожидал этого. Инстинктивно закрывает лицо руками. Поздно! Правой ногой Михаил резко, толчком бьет негра в пах, левой пяткой – со всей силы в солнечное сплетение, проводит «ножницы». Негр скрючивается и падает на четвереньки рядом с ним. Михаил набрасывается на Гориллу сзади, как кобель на сучку: правая рука обвивает бычью шею негра и хватает свой левый локоть, левая рука цепляется за правую руку, чуть ниже плеча... Есть захват!

Негр дернулся, захрипел, но из захвата вырваться не смог. Лицо его стало еще чернее, артерии надулись как пожарные шланги, глаза – того и гляди вылезут из орбит. Михаил держит захват из последних сил, хотя его тошнит и перед глазами плавают круги. Еще секунд двадцать, приказывает он сам себе. Считает до двадцати, затем отпускает захват. Встает, тяжело дыша и шатаясь. Негр лежит мешком, глаза его неестественно выпучены, изо рта идет белая пена. Но победитель даже не посмотрел на поверженного противника...

Он лежит в казарме на своем жестком топчане, пытается поспать, но сон не идет. Голова болит, хотя уже меньше. «Если бы я тогда не отклонился назад, он выбил бы из меня мозги», – подумал Михаил.

...Пять лет назад он прибыл в Турцию. Вначале все сложилось удачно. Нашел Джамиля. Тот помог ему открыть свой магазин в большом городе. В начале девяностых в Турцию хлынули первые толпы российских туристов. Зная нравы и запросы своих соотечественников, Михаил быстро сориентировался по ассортименту товаров и по ценам. Бизнес пошел в гору, через два года он открыл второй магазин в центре города. Два года назад женился на Зульфие. Кажется, удачно. Но кому-то не понравился коммерческий успех чужака. Год назад сгорели оба магазина. Полиция следов преступников не нашла. Или не искала! Жена погибла при пожаре. Он опять остался один и практически без средств к существованию. Перебивался случайными заработками: работал чистильщиком обуви, грузчиком, официантом. Полгода назад через Джамиля на него вышел вербовщик из спецшколы. Предложил работу спецкурьером по странам Европы и Средней Азии. Зарплату обещали до ста тысяч долларов в год. Но перед этим еще надо полгода пройти спецподготовку. Терять было нечего, Михаил согласился.

Подготовка для *курьеров* оказалась слишком серьезная: топография, ориентирование на местности, визуальная разведка, технические средства разведки, современные средства связи, взрывное дело, современные виды стрелкового оружия, огневая подготовка, арабский язык, рукопашный бой... Материальная база школы солидная, преподаватели, надо отдать должное, свое дело знают превосходно. Вот только о цели подготовки говорят очень расплывчато: «выполнение спецзаданий». Непонятно, кто крышует школу. Один раз в учебный центр приезжал какой-то араб. Михаил видел его издали и толком не рассмотрел, заметил, однако, что начальник школы буквально стелился перед ним.

Контингент курсантов тоже своеобразный, почему-то одни европейцы: португалец, бывший моряк, бывший карабинер из Италии, двое американцев, дезертировавших из Афганистана, один поляк явно криминального типа, испанец, бывший спортсмен, мастер по кун-фу...

При поступлении Михаил выдал себя за немца, уехавшего из Восточной Германии. На вопрос начальника школы о причине бегства с Родины Михаил объяснил это политическими репрессиями по отношению к бывшим сотрудникам МГБ ГДР. Пусть проверяют! Если

даже им удастся добраться до учетов штандесамта¹ в Берлине или найти его знакомых во многих городах Германии, то легенда его подтвердится на сто процентов. Свое русское происхождение он почему-то скрыл. При поступлении он много писал анкет, тестов, проверялся на полиграфе. Проверка серьезная, но он, кажется, ее прошел.

Территория школы составляет гектаров пять, огорожена высоким забором с колючей проволокой, охраняется хорошо: охрана с «калашами», видеокамеры, «лучи», по ночам по территории бегают доберманы, которые способны разорвать любого в пять секунд.

Вначале их было двадцать человек, к концу периода обучения осталось двенадцать. Пять человек убрали в течение первого месяца на этапе проверки, трое «ушли» позднее: один попытался перелезть через забор – его пристрелили, второй – не прошел теста: побоялся зайти в террариум со змеями, третий – неудачно закончил сегодня бой.

Атмосферу дружеской в казарме не назовешь. Все смотрят друг на друга волком. Михаил держится особняком, играет роль чистокровного арийца. Один раз он демонстративно отказался от обеда, заявив, что посуда плохо помыта. В первый же день своего пребывания в казарме он заявил начальнику школы, что с евреем рядом спать не будет (на соседней кровати расположился еврей). Начальник школы, иорданец, ничего не сказал Михаилу, только посмотрел на него пронзительно. Однако просьбу его он удовлетворил: сына израилева переместили в другой конец казармы. Он чувствует, что «соратники» его недолюбливают, но побаиваются, особенно после одного случая.

Как-то раз Михаил, войдя в казарму, увидел на своей кровати грязные штаны Абдуллы и приказал албанцу убрать их. Абдулла, увлеченный игрой в карты с поляком, небрежно бросил:

– Убери сам.

– Я тебе, придурок, сказал убрать, – тихо, но зловеще повторил Михаил.

Абдулла бросил карты, поднялся навстречу Михаилу: «Ты, фашист недобитый! Размажу...» Мощный удар Абдуллы едва не расплющил нос Михаилу. Тот ушел от удара, перехватил руку албанца, взял ее на излом. Затем ударом колена разбил ему лицо, а нос своего ботинка с удовольствием воткнул ему в живот. Когда албанец пришел в сознание, Михаил наступил ногой ему на шею и злобно прошипел: «Запомни, мразь, в следующий раз убью!» Здесь спускать нельзя. Из принципа.

Три дня он отсидел в карцере, но инцидент в казарме произвел на всех впечатление – после этого с ним никто старался не связываться. Иногда Михаил сам себе казался противным. В институте он считался самым воспитанным среди студентов и даже в нетрезвом состоянии никогда не позволял себе нецензурные выражения. Он попытался взглянуть на себя со стороны и ужаснулся: боже, в кого я превратился! В головореза, для которого человека убить – все равно что муху прихлопнуть. А что делать, Миша? С волками жить!..

«Вольф, тебя Учитель зовет», – Хуан, испанец, потряс его за плечо. Михаил встал, надел на себя спортивную майку. «Зачем я понадобился Рашиду, сегодня никаких занятий нет?» – удивился Михаил.

Рашид – заместитель начальника школы и одновременно их тренер по «рукопашке». В отличие от начальника школы и других преподавателей живет на территории объекта в небольшом коттедже. Одновременно он как бы выполняет еще и функции коменданта объекта. Рашид ни с кем близко не общается, во всяком случае, здесь, в школе. И еще интересная деталь: он всегда держится независимо и не заискивает перед начальником школы, как это делают другие преподаватели. С курсантами держится строго и холодно, но не унижает их, в то время как «местные кадры», включая прислугу, при каждом удобном случае стараются подчеркнуть, что все они говно. Внешне он похож не то на узбека, не то на татарина, хотя исла-

¹ ЗАГС в Германии.

мом не напряжен. По-английски (все занятия в школе на английском языке) говорит хорошо, но произношение у него не американское и не британское. То есть английский для него не родной язык. Говорят, что он родом из России.

В своей области Рашид настоящий профессионал. Знает практически все стили, техника безупречная. Как-то раз на занятии по теме «Поражение противника подручными средствами» он с помощью простой швабры, взятой из хозблока, раскидал всю их группу, двенадцать человек, вооруженных цепями, ножами, нунчаками, шестами.

Реакция у него нечеловеческая. На одном из занятий он продемонстрировал курсантам бой с ядовитой змеей. Сидя полуголым перед разъяренной гюрзой, Рашид спокойно отбивал голой рукой нападения змеи. А бросок этой змеи по времени составляет одну десятую секунды. Через минуту он молниеносным движением, которого никто из присутствующих даже не зафиксировал, схватил гюрзу за «шею» и задушил. Все курсанты и даже преподаватели, кто с почтением, а кто с мистическим страхом, называют его Учителем.

– Добрый вечер, Учитель. – Михаил вошел в просторный холл и в японском полупоклоне поприветствовал преподавателя. Такое приветствие было заведено в самом начале обучения.

Рашид сидит в кресле, одет в черный шелковый халат на голое тело. Карие глаза смотрят на курсанта цепким внимательным взглядом.

– Присаживайся, – Рашид кивнул в сторону кресла, стоящего по другую сторону стола.

На столе тонко нарезанные ломтики ветчины, тарелки с зеленью, овощами, фруктами. Но больше всего Михаила удивило не это: в центре стола бутылка «Московской водки» – той самой, знакомой ему со студенческих лет, когда они в общаге сбрасывались на последние гроши, чтобы отметить сдачу очередной сессии. Она – визитная карточка его бывшей Родины – стоит запотевшая, видно, только что вынутая из холодильника. Рядом с водкой в вазочке грибочки, белые, маленькие, и шпроты в знакомой с детства банке, которая была открыта; золотистое масло покрывает сочные шпротины.

Михаил непроизвольно сглотнул слюну, подошел к столу, сел в кресло и с немым вопросом во взгляде уставился на Учителя. Рашид усмехнулся:

– Я закончил с вами курс обучения. Будем считать, что это повод для банкета.

– Но почему только со мной? – поинтересовался Михаил.

– Ну, скажем так: как с одним из лучших учеников из группы. Хотя сегодня ты меня огорчил: бой провел безобразно.

– Я знаю, – уныло согласился Михаил.

– У негра были ватные ноги и нижняя половина тела была совсем не прикрыта, а ты этим не воспользовался. Если бы у него была хоть какая-то техника, он бы тебя упаковал. Ладно, хватит об этом, наливай!

Бутылка настоящая, даже с язычком. Михаил открыл, налил в стограммовые стопки на одну треть.

– Я желаю тебе удачи в твоей будущей работе. Больше я тебе пожелать ничего не могу, – Рашид поднял стопку, внимательно посмотрел на собеседника.

Выпили по-европейски, не чокаясь. Михаил зацепил вилкой один гриб из вазочки. Грибы настоящие и водка тоже не подделка!

– Ну что, Вольф, вспомнил Родину? – спросил вдруг Рашид на русском языке.

Михаил едва не поперхнулся закуской. Черт! Где я прокололся? Это что, очередная проверка? Удар был настолько неожиданный, что он сразу даже не сообразил, как ему лучше среагировать в этой ситуации. Поэтому, чтобы выиграть время, ответил в манере легкого недоумения:

– Какую Родину?

– Вольф, я сразу выделил тебя из всей группы. Ты по интеллекту на голову выше любого из этого сброда. Вначале я действительно принял тебя за чистокровного немца. Но... роди-

мые пятна не стираются. – Рашид говорит по-русски, спокойно и дружелюбно, причем совершенно свободно, хотя небольшой акцент все же присутствует в его речи. – Все эти месяцы я изучал тебя, предположив сначала, что ты «засланный казачок», но, судя по твоему поведению, это не так. Ладно, наливай, разговор будет долгий.

Михаил молча налил водку, поднял свою стопку.

– А вот теперь ты правильно налил, по-русски, почти до краев, – Рашид усмехнулся, – немец наливает водку в стопку на одну треть, американец – наполовину, а русский – полную. На таких мелочах и сыпется разведчик, не так ли, коллега? – Он поднял свою стопку. – Ну и давай выпьем по-русски. – Он поднес свою стопку к стопке Михаила. Чокнулись, выпили.

– Откуда сам родом? – спросил Рашид.

– Из Сибири, – выдавил из себя Михаил.

– А я из Ростова, – Рашид зацепил шпротину, положил ее на лаваш и закатал ее в лепешку, – черного хлеба не смог достать, – как бы извиняясь, сообщил Рашид, – а ты ешь-ешь, давно ведь не пил, можешь захмелеть. А тебе голова нужная сейчас трезвая.

Михаил завернул в лаваш кусок ветчины, захватил еще несколько грибочков. Толковых мыслей в голове не было, версий тоже. Если это проверка, то довольно оригинальная. И что теперь, отчислят? Ликвидируют? Странно, но он не испытывает страха и даже напряжения. Более того, он чувствует, как от собеседника идут какие-то теплые волны положительной энергии.

– Как ты меня расколол, Рашид? – спросил Михаил.

– На одной из тренировок я у тебя на руке заметил след от оспиной прививки, – Рашид протянул руку к левой руке Михаила, чуть приподнял рукав его спортивной майки, – вот она, отметина Родины. У меня такая же, – он вынул левую руку из халата, показал Михаилу еле заметный след от прививки, – у нас в пятидесятые еще ставили такие прививки, а сейчас не делают. А потом на тренировках я обратил внимание на твою манеру ведения боя: техника приемов из боевого самбо, а это – спецназ КГБ. Ну, потом наскреб еще несколько еле заметных признаков и сделал соответствующий вывод. Я ведь тоже разведчик.

– Но не из нашей Конторы.

– Правильно, из соседней.

– С гэрэушниками у нас, как правило, были не простые отношения, но я лично с вашими ребятами всегда находил общий язык.

– Я тоже, если не надо было делить успех.

– Как ты попал сюда? – поинтересовался Михаил.

– Долгая история. В Афгане во время операции контузило, попал в плен. Командир, чтобы избежать наказания за гибель группы, все свалил на меня как на предателя, сбежавшего к душманам. На этом меня и завербовали.

– Давно здесь?

– Давно. Сначала был в Саудах, работал в такой же школе инструктором, потом перевели сюда и даже повысили в должности, – Рашид усмехнулся, – я у руководства на хорошем счету. Платят нормально...

– На Родину возвращаться не будешь?

– А зачем? Чтобы там меня били за то, что я не совершал? Да и Родины-то уже нету. Я имею в виду той, за которую мы рисковали жизнью. Ладно, хватит об этом, разговор сейчас о тебе.

– А ты никому не говорил о моем происхождении?

– Нет. Вольф, чтобы между нами не было непоняток, я тебе основное открою. Беседа эта – проверочная. Мне поставлена задача: выяснить, насколько хорошо ты владеешь русским языком, и найти в твоей биографии зацепки, за которые тебя можно было бы привязать. Понял меня?

– Понял.

– Можешь выдать мне что-нибудь в таком роде.

– Могу. Может быть, Софи, любовница в Неаполе или в Копенгагене – бывшая сожительница...

– Хорошо, дашь потом координаты. И еще, но это мой личный интерес. Судя по твоим повадкам, ты имеешь боевой опыт. Где был?

– В Афгане, Мазари-шариф...

– А я в Кундузе... Теперь главное. Школа эта готовит нелегалов-разведчиков для стран Восточной Европы. На длительное оседание. Поэтому здесь и обучают только европейцев. Но из тебя диверсанта делать не будут.

– Почему?

– Ты этим не сильно разочарован?

– Нет, не сильно.

– Ну, во-первых, для боевика ты уже немного староват: сорок лет, а во-вторых, профессиональный разведчик с семью языками – товар штучный, и такими кусками ни одна разведка не бросается... Кстати, сегодня в случае чего я обязан был тебя подстраховать, то есть не дать этой горилле тебя замочить или покалечить. Но, слава богу, ты не обосрался, хотя и провел бой на три с минусом.

– И куда меня планируют?

– Не знаю, мне ведь тоже всего не говорят. Могу только предположить – в Россию.

– Почему? – напрягся Михаил.

– Сейчас усиленно ищут спецов по России. Ты про взрывы там знаешь?

– Слышал что-то. И на что меня планируют?

– Опять-таки предположительно – может, для проводки «канала», может, для создания «сети». Одним словом, агентурно-разведывательная работа...

– Хрен редьки не слаще.

– Будь готов, тебя будут еще проверять. И полное доверие к тебе будет только тогда, когда у тебя руки будут по локоть в крови.

– Понятно.

– Завтра, вас повезут на «экскурсию» в город. Сначала напоят, а потом будет бордель... Будь осторожней: иногда на таких «экскурсиях» делают провокации с целью дополнительной проверки, – Рашид загадочно усмехнулся, вздохнул, поднял стопку, – ладно, земляк, давай третий тост...

Глава II

Евгений Петрович Булдаков трясся в служебном «пазике» по дороге на работу. Сегодня плохо выспался, поэтому старался в течение этого часа, отведенного на дорогу, немного подремать. Но не получалось. Участок дороги, по которому они ехали, давно не ремонтировался, и автобус периодически основательно потряхивало.

«А ведь это дорога первой категории», – досадливо подумал Евгений Петрович. Он окончательно отказался от мысли хоть как-то компенсировать недостаток сна и стал смотреть через окно на пробегающие мимо пейзажи: перелески, маленькие озера, деревеньки, автозаправочные станции, шашлычные...

В служебном автобусе ехали все свои: завхоз Приходько, сотрудники его отдела Фетисов и Жилин, Воцанов Анатолий Иванович, спец, Михалыч – повар столовой, охрана, заступающая на дежурство, и шесть солдатиков, приданных им из «дружественного» особого отдела в N-ске. Солдаты на заднем сиденье украдкой по очереди курили, думая, что офицеры не заметят этого. Но Булдаков, у которого обоняние острое, дым учуял сразу. Но замечание делать не стал: не хотелось рабочий день начинать с нравоучений, да и апрельский ветерок, проникающий через открытые форточки, быстро выдувал дым из салона.

Все пассажиры в автобусе были его прямые подчиненные, за исключением Воцанова. Но Анатолий Иванович все равно обращался с ним осторожно, так как понимал, что его судьба пусть хоть и косвенно, но зависит от «контрика».

Ехали молча. Каждый думал о чем-то своем: кто о проведенных выходных, кто о личных проблемах.

Евгений Петрович не любил понедельники. И не потому, что соглашался с расхожим мнением о том, что «понедельник – день тяжелый». Просто по понедельникам по какой-то непонятной закономерности, как правило, поступали очередные «вводные» от начальства или вдруг обнаруживались какие-то маленькие ЧП, типа «Жучка сдохла».

Езда по трассе закончилась, и «ПАЗик» свернул в тайгу на узкую шоссейную дорогу. В самом начале этой дороги стоял запрещающий знак «кирпич». Знак этот был целесообразен, но в то же время являлся демаскирующим признаком. Любой контрразведчик, не говоря уже о разведчиках, знает, что если этот знак стоит в начале хорошей шоссейной или тем более выложенной железобетонными плитами дороге, то через несколько километров будет секретный объект. Дорога сделана на совесть еще лет двадцать назад по какой-то технологии холодной закатки и до сих пор не имела не то чтобы ям, но даже трещин. Ведь умеем же делать, не раз недоумевал Евгений Петрович, но почему не делаем?! А если бы у нас все дороги были такими, то мы, наверное, и жили бы по-другому? И как бы в подтверждение этой мысли дорога эта приводила на «островок коммунизма». Семь лет назад, когда он попал сюда, то полностью согласился с этим обозначением, озвученным офицером, которого он заменял на объекте.

Семь лет... Как много изменилось за это время – с 1989-го по 1996-й. Изменились деньги, принципы, обычаи, даже мат стал другим. Страна изменилась, но главное – изменились люди. Причем некоторые так перевернулись, что даже оторопь берет – а тот ли это человек, не подменили ли его? Комсомольские функционеры стали бизнесменами, инженеры – челноками, «теневеки» – олигархами, пионервожатые – проститутками, спекулянты – деловыми людьми, ОПГ² – «крышами», офицеры – охранниками, спортсмены – вышибалами, мошенники – банкирами... И везде кидалово, подвох, «пирамиды», призывы «Обогащайтесь!», «Выиграй миллион!» И эта безудержная, бессовестная реклама! «Разрешено все, что не запрещено!» Откуда

² Организованная преступная группировка.

это вылезло? Как будто страну охватило безумие, как будто джинна, точнее беса, выпустили из бутылки.

Евгений Петрович вздохнул, стараясь отогнать неудобные вопросы, на которые не находил ответа. Прильнул к оконному стеклу. Этот пейзаж его всегда успокаивал: тайга... огромные ели стоят величественно и неподвижно, словно часовые, стройные сосны сонно покачивают вершинами на ветру... Катаклизмы общества еще не дошли до этого девственного леса. Иногда этот участок дороги, четыре километра, Евгений Петрович проходил пешком, и эта прогулка его всегда успокаивала.

Несмотря на то что дорога здесь была всегда пустынная и сейчас уже очистилась ото льда и снега, водитель ехал медленно, со скоростью километров сорок в час. Три года назад вот такой же «пазик» сбил молодого лосенка... Его так и не удалось спасти.

Автобус подъехал к объекту. Ворота нехотя открылись, затем, когда автобус въехал в «отстойник», так же лениво закрылись. Все пассажиры вышли из автобуса и оказались зажатými на узкой площадке между двумя высокими заборами. Объект был огражден высоким двойным каменным забором с «егозой»³ и собаками, бегающими между заборами. Вот Альма и Питер, кавказские овчарки, сидят у решетки, отделяющей их зону от небольшой площадки «отстойника», и напряженно наблюдают за людьми.

Евгений Петрович вышел из автобуса последним, помахал рукой овчаркам, приказал солдатам подождать у КПП, пока пройдут постоянные сотрудники. Те проходили торопливо, предъявляя пропуска. Дежурный прапорщик бегло смотрел в пропуска, так как всех входящих знал давно. Он со всеми здоровался за руку. Только старший научный Вощанов никогда не подавал руки дежурному прапорщику. Он был капитаном запаса и, по всей видимости, считал рукопожатие с прапорщиком нарушением субординации, хотя даже полковник Бойко не считал ниже своего достоинства поздороваться за руку с самым нижним офицерским чином.

Евгений Петрович подошел к прапорщику последним, поздоровался, попросил:

– Коля, сегодня двое новеньких, перепиши их.

– Хорошо, Евгений Петрович, – прапорщик выглянул в открытую дверь КПП: – Бойцы, ко мне!

– Константиныч, а ты проинструктируй новеньких, – напомнил Булдаков Приходько.

– Да знаю я, Евгений Петрович, – с легкой обидой ответил майор.

Автобус с пассажирами, которые за пределами «отстойника» снова сели вовнутрь, заурчал мотором и поехал к административному зданию. Евгений Петрович прошел через комнату прапорщика, толкнул вторую дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Помещение дежурного по объекту представляло собой комнату 4х4 метра – заставлена пультом с разноцветными лампочками и телефонами, железными сейфами, монитором для видеонаблюдения, пожарными датчиками, шкафом, топчаном, покрытым синим солдатским одеялом, тумбочкой, столом с пулеуловителем, предназначенным для зарядания и разрядания оружия... – одним словом, обычное помещение оперативного дежурного.

Навстречу Булдакову вышел высокий старший лейтенант в форме ФСБ и коротко доложил о том, что за прошедшие выходные на объекте происшествий не было. Евгений Петрович кивком головы утвердил рапорт, поздоровался с офицером за руку.

– Для меня ничего нет? – спросил он как бы между прочим.

– Никак нет, товарищ подполковник, – бодро заверил старший лейтенант.

– Бойко не подъехал еще?

– Приехал... полчаса назад.

Булдаков взглянул на часы, удивился: обычно начальник отдела контрразведки приезжает в десятом часу.

³ Колючая проволока.

– Все спокойно? – на всякий случай спросил он молодого офицера и пристально посмотрел на него.

– Так точно, товарищ подполковник. Вот только в эту ночь сигнализация за административным зданием несколько раз срабатывала...

– Проверяли?

– Да, каждый раз проверяли: все нормально, и собаки не лаяли...

– Надо техника вызвать.

– Не надо, Евгений Петрович: Тимофеев посмотрит, исправит, он в этом деле дока...

– Ладно, что еще?

– Питер не в порядке. Моча у него красная...

– Да, я заметил: он сегодня какой-то квелый, даже не лаял. Скажите кинологу, может, свезти его к ветеринару...

– Хорошо, Евгений Петрович.

Булдаков взял журнал рапортов, быстро пробежал последний рапорт глазами, подписал его, бросил старому и заступающему дежурному, молодому капитану, который вошел в помещение следом за ним: «Меняйтесь!»

Он вышел из помещения КПП на территорию объекта, по широкой асфальтированной дорожке пошел к трехэтажному административному зданию. При этом он уже включался в рабочий ритм, мысленно восстанавливая вопросы, которые сегодня необходимо решать в первую очередь.

Объект существовал под легендой правительственной дачи. На самом деле он назывался «Научно-исследовательский институт проблем прикладной психологии» – НИИППП. Семь лет назад Булдаков, тогда еще молодой капитан, прибыл к новому месту службы безо всякого энтузиазма: НИИ – ну сидят там какие-нибудь замшелые доктора и тянут годами две-три закрытые темы...

Но то, с чем он здесь познакомился, ошеломило его! Во-первых, ему сразу дали первую форму допуска⁴, а это уже о чем-то говорит! А во-вторых... Литерные дела по объекту он читал как фантастическую повесть. В общем, он нисколько не пожалел, что попал на такой объект. С годами, конечно, первые впечатления потускнели, но встречи со «спецами» до сих пор вызывают у него двоякое чувство: с одной стороны, шокирующее удивление, с другой – гордость за свою страну, в которой есть такие феноменальные люди.

Внешне объект действительно походит на правительственную дачу или санаторий какого-нибудь солидного предприятия: заасфальтированные дорожки для прогулок среди редких сосен и елей, беседки, фонтан, работающий в теплое время года. В административном и рабочих корпусах паркет, ковры, пальмы... На объекте есть бассейн, сауна, бильярдная, тренажерный зал, столовая, большая библиотека и даже коктейль-бар. Семь лет назад все было в великолепном состоянии, но в начале девяностых финансирование резко сократилось и все постепенно стало приходить в упадок. Корпуса уже давно не ремонтируются, бассейн второй год не работает... Приходько жалуется, что он даже лампочки для прожекторов покупает на свои деньги. Врет, наверное, а может, и нет.

Денег хватает только на зарплаты. В первую очередь – «спецам», руководству, их отделу, а затем уж техперсоналу. Охрану сократили в полтора раза, вместо сокращенных охранников дали собак. Только ведь собака полностью не заменит профессионального охранника. Булдаков подошел к административному зданию. Черная «Волга» Бойко стояла у крыльца. Что-то неспроста он так рано приехал. Евгений Петрович с тревожным предчувствием вошел в здание.

⁴ В нашей стране существует четыре формы допуска к секретам: ДСП (служебная тайна), третья форма, вторая и первая. По первой форме работник допускается к информации под грифом «Особой важности».

Из своего кабинета он по телефону доложил начальнику о том, что в течение выходных дней на объекте было спокойно. «Зайди, Петрович», – попросил начальник отдела.

Полковник Бойко Валерий Адольфович возглавляет их отдел второй год. Не сразу наладились между ними отношения. Бойко был назначен сюда из Москвы, после того как прежнего начальника отдела с треском сняли с должности за «серьезные упущения в работе». Один из сотрудников техперсонала два года назад сбежал в Штаты. К секретным разработкам института допуска он не имел, но сам факт предательства сотрудника квалифицировали как серьезный провал в работе их отдела контрразведки. Сам Булдаков получил тогда строгий выговор, а вот начальника убрали с понижением, хотя... его-то вина была как раз минимальна. Более того, о своих подозрениях в отношении будущего предателя вначале «новая метла» начала мести по-новому, то есть перестраивать всю работу, однако постепенно Бойко убавил обороты, поняв, что система контрразведывательного обеспечения налажена достаточно хорошо и ломать ее не стоит. Кроме того, Валерий Адольфович как начальник отдела докладывал письменно в Центр и предлагал убрать его из института. Но... «стрелочник» должен быть! Не на себя же начальству брать всю вину!

Человек умный, прекрасно понимал, что, если он не найдет рабочего контакта с подчиненными, то рано или поздно они его подставят: контрразведывательная работа – вещь тонкая, и не все в ней регламентируется приказами и инструкциями.

В целом они сработались, понимают уже друг друга с полуслова, но какая-то незримая стена порой чувствуется между ними: Евгений Петрович был простым опером, по сути, им и остался, а Бойко – человек Центра, который в любой момент запросто может позвонить любому генералу их Управления.

– Разрешите, Валерий Адольфович – Булдаков вошел в кабинет начальника.

Он мог и не спрашивать разрешения войти, тем более что начальник сам пригласил его к себе, но профессиональная этика накладывает свой отпечаток на поведение человека.

Начальник отдела, крупный мужчина с боковыми залысинами на мощном черепе, бульдожьей челюстью, глаза за стеклами очков в тонкой оправе смотрят внимательно и строго, поливал цветы на подоконнике.

– Заходи, Евгений Петрович, присаживайся. – Он полил последний цветок, подошел к Булдакову, поздоровался с ним за руку. – Как квартальный отчет?

– Заканчиваю. Сегодня подобью последние цифры и печатаю.

– Хорошо. У меня две новости: одна хорошая, другая... странная. По традиции, с хорошей: нам резко увеличивают в этом году финансирование.

– По каким статьям?

– Пока не знаю. А вот вторая... через десять дней приезжает с проверкой генерал Скобликов.

– Но ведь проверка планировалась на начало июля?!

– В том-то и дело. В пятницу Скобликов был на приеме у директора, а вечером мне позвонил Оборнов, заместитель Скобликова. Но, чувствуется, здесь что-то еще. Ладно! Значит, так: все второстепенные дела в сторону! Прошерсти литерные дела, проверь у ребят планы, подготовь выступление, конспективно; доработай план по «Миссионеру», подготовь свою КК⁵. Ну, а остальное я сам. И вот что: срочно заканчивай операцию «Коттедж». Зайди по этому вопросу к Полянскому, прямо сейчас, он поможет.

– Хорошо, Валерий Адольфович. – Булдаков встал, не смея больше задерживать начальника, но тот жестом попросил его остановиться, подошел к Евгению Петровичу почти вплотную, и, в упор глядя ему в глаза, спросил. – Ты знаешь, какой сейчас рейтинг у Ельцина?

⁵ Конспиративная квартира.

– По последним данным, где-то пятьдесят пять – шестьдесят процентов. Но я не очень-то верю этим оценкам...

– Я тоже. – Бойко скептически выпятил нижнюю губу, покачал задумчиво головой, глядя в окно. – Ладно, иди... дел неспорный.

Полянский Эдуард Аристархович, директор института, считал себя человеком современным. Он положительно воспринял горбачевскую перестройку, находил целесообразными ельцинские реформы. Но в последнее время смутно чувствовал, что реформы пошли как-то не так. Он видел это даже по тем «заказам», которые его институту все чаще приходилось выполнять. Спецзаказы исходили от некоторых крутых фирм и даже «продвинутых» частных лиц. И все задания носили уж слишком «прикладной» характер. Наукой здесь даже не пахло... А что делать? Выживать как-то надо! Занимаемся черт знает чем, а потом удивляемся: откуда утечка?!

Эдуард Аристархович рассеянно смотрел последние новости по телевизору: полицейские автомобили с мигалками, машины «Скорой помощи», носилки с ранеными... Теракт! Слава богу, сегодня не у нас.

В это время в кабинет директора, предварительно стукнув в дверь, вошел Булдаков. Он вошел неуверенно и тихо. И дело здесь не в том, что он боялся высокого начальства (Полянский по ранговой таблице был как минимум генерал-лейтенант: доктор наук, академик РАН, профессор, автор шумевшей научно-популярной книги «За гранью возможного» и т. д.): в кабинете директора должна находиться Муся. Евгений Петрович, как только вошел в кабинет, сразу нашел ее глазами. Огромная рыжевато-рыжая величественно лежала на диване возле сидящего Эдуарда Христофоровича. Когда Булдаков еще только подошел к двери, даже не дотронувшись до нее, она сразу настороженно подняла голову с колен Полянского и встретила гостя внимательным взглядом желтых глаз.

Эдуард Аристархович ждал его. Он, чуть привстав, поздоровался с ним за руку, жестом пригласил его сесть в кресло напротив него.

– Успокойся, Муся, это свои, – хозяин кабинета почесал рысь за ухом. Муся, потеряв интерес к Евгению Петровичу, опять сложила голову на колени Эдуарду Аристарховичу и громко замурлыкала. Совсем как кошка!

С этой рысью на объекте постоянно какие-то проблемы. Дикую дочь тайги директору института подарили два года назад на пятидесятилетие, когда Муся была еще маленьким котенком. «Котенок» прожил в квартире Полянского три месяца. Больше его семья выдержать не смогла. Домашние Эдуарда Аристарховича стойко перенесли изодранное кожаное кресло от финского гарнитура, но когда Муся «обработала» кожаное пальто хозяйки дома, то та поставила мужу ультиматум.

И Муся переехала на объект. Живет здесь уже два года, и за это время стала главной головной болью охраны и личным врагом завхоза Приходько. Через месяц после переезда Муси на объекте не осталось ни одной кошки. Со сторожевыми собаками у Муси незримое постоянное противоборство, хотя «сферы влияния» они поделили четко: овчарки с опаской выходят на внутреннюю территорию объекта, а Муся не лезет в их зону – коридор между каменными заборами по периметру.

Паритет установился после одного инцидента. Однажды ночью Муся вылезла через открытую форточку в кабинете Эдуарда Аристарховича и с лоджии третьего (!) этажа прыгнула на землю. Овчарки, свободно бегавшие тогда по территории всего объекта, загнали рысь на высокую сосну. Но перед этим она успела-таки оставить глубокую рваную рану на шее одной из собак. Утром все сотрудники объекта полдня снимали Мусю с сосны. Сам Эдуард Аристархович на подъемнике для электромонтеров на глазах у всех подчиненных поднялся с миской

молока на семиметровую высоту и снял ее оттуда. После этого на лоджии директора института установили решетку.

Эдуард Аристархович любит Мусю. Каждый день из дома он привозит ей куриные окорока, мясо, молоко. Больше всего она любила мороженое пломбир. Два раза в день он прогуливает ее на поводке по территории объекта. Охрана в это время была в готовности номер один. Самое удивительное, но рысь слушается Эдуарда Аристарховича беспрекословно и привязалась к нему как к родной матери.

– Вот понимаете, Евгений Петрович, что мне нравится в диких животных, – Полянский нежно потрепал Мусю за холку, – они естественны и органичны. Да, в них есть агрессия, но в них нет подлости. Да, они убивают, но не унижают. Из своего окружения они не берут ничего лишнего: ровно столько, сколько нужно, как сейчас говорят, для прожиточного минимума. Если бы мы жили по таким же правилам, то наверняка были бы счастливы...

– В этом есть логика...

– Это не логика, это закон жизни. Ведь почему человек несчастен? Потому что его желания не совпадают с его возможностями.

– Это теория Геббельса.

– Ну и что? Геббельс был довольно неглупый человек, пардон, фашист. Однако в чем была роковая ошибка Гитлера, вы знаете?

– Наверное, в том, что он хотел создать империю из свободных, высокоразвитых государств...

– Ну... в общем, да, но это область политики. Что же касается идеологии, то просчет идеологов Третьего рейха состоял в том, что они все свели к животным инстинктам: страх смерти, биологические инстинкты, стремление выжить любой ценой... Они не учли того, что человек, который был свободным, *никогда* не станет рабом, во всяком случае внутренне. Чтобы из свободного человека сделать животное, надо изменить его сознание.

– И как это сделать?

– Есть разные методы. Но самое эффективное – это воздействовать на подсознание, на подкорку. Преимущество этого метода в том, что, во-первых, в человеке остаются его знания, умения, профессиональные навыки. А во-вторых, он даже не подозревает, что им уже управляют, что в нем возбуждают природные инстинкты, а уже через них корректируют поведение человека в том направлении, в котором это нужно ОПЕРАТОРУ. Управлять умами людей, постоянно и тотально, – голубая мечта многих правителей. Раньше наиболее мощным инструментом для этого была церковь, сегодня – телевидение. Но, даже несмотря на огромные средства и усилия, которые тратились и тратятся на это, всегда находятся инакомыслящие, которые не укладываются в рамки господствующей идеологии. А наше изобретение – это революция в идеологической области: не нужны уже ни радио, ни телевидение, ни церковь... Однако мы ушли в сторону. Вы ведь пришли по нашему общему вопросу?

– Да, Эдуард Аристархович, нам нужно закончить операцию «Коттедж» в течение десяти дней.

– Что нужно от меня?

– Задействовать опять вашего спеца. Сначала мы пустим в дело нашего человека, а потом уже подключится ваш...

– Я понял. – Эдуард Аристархович почесал лежащую на спине рысь между передними лапами; та, играя, ударила его лапой по руке. – Здесь главное – добиться, чтобы мэр подписал постановление о сносе коттеджа...

– Я думаю, этого мы добьемся.

– Кстати, когда приезжает генерал Скобликов?

– На той неделе в четверг. – Евгений Петрович был слегка шокирован осведомленностью директора института, тем более что сам он об этом приезде узнал только что.

– Ну что ж, нам придется вместе серьезно поработать.

– Над чем?

– Вы еще не знаете?

– Нет, – чекист удивленно посмотрел на Эдуарда Аристарховича.

– Я тоже мало знаю. Ну... Скобликов придет, все расскажет. – Эдуард Аристархович потянулся на диване, Муся среагировала мгновенно: спрыгнула с дивана, выгнула дугой спину, затем вытянула ее. – Кстати, как ваша дочь, выздоровела?

– Да, все в порядке, – от внимания Булдакова не ускользнуло, что Полянский не очень ловко перевел разговор на другую тему, – я сообщу вам, когда можно будет задействовать экстрасенса. – Булдаков поднялся с кресла.

– Я думаю, за неделю проблема будет решена.

– Надеюсь...

Евгений Петрович вышел из кабинета директора слегка озадаченный и раздосадованный. Оба, начальник отдела и Полянский, чего-то недоговаривают. Что-то здесь странное, размышлял Евгений Петрович, направляясь к своему кабинету.

Глава III

Карманный вор Павел Касаткин, известный в криминальной Москве как Паша-Пианист, ехал в фирменном поезде «Красная стрела» из Петербурга в Москву. В Питере он был по своим личным делам. Скорбным делам: похоронил родную тетку, единственно близкого человека, кого он знал из всей родни.

Он стоял в узком коридоре купейного вагона, наблюдая, как в темноте проплывают мимо полустанки и железнодорожные переезды. Павел испытывал угрызения совести: тетка, бывший врач, давно была на пенсии, жила одиноко и бедно. Последний раз он видел ее пять лет назад. Она постоянно приглашала его к себе, поздравляла с праздниками, а к Новому году и к его дню рождения обязательно присылала скромные посылочки. Павел не раз ей выговаривал, чтобы она прекратила это делать, что у него все есть, но она неизменно отвечала: «Пашенька, но кто же тебе пришлет еще, кроме меня!» Он давно хотел к ней заехать, но не получалось: все какие-то дела.

И вот теперь он увидел ее последний раз, в гробу. Как бы заглаживая свою вину, Павел сделал довольно приличные похороны: с отпеванием, с оркестром, место на кладбище выбрал лучшее, отвалив кладбищенским шакалам пятьсот зеленых, заказал гранитную плиту с изображением тетки, справил поминки после похорон и девять дней. Но чувство вины не проходило. Вспомнилось детство...

Маленьким он с удовольствием гостил у тети Агнии. Она всегда старалась накормить его чем-нибудь вкусным. Больше всего ему нравилось ходить с ней по музеям, а потом, когда у них уже гудели ноги, заходить в кафе-мороженое и есть мороженое, которое Павел выбирал сам... Тетка хорошо знала Петербург, тогда еще Ленинград, много ему рассказывала о городе и его истории. Она приучила его к хорошим книгам, всегда говорила, что читать надо обязательно классику. Он тогда действительно много читал...

– Ну что, сосед, по пять капель?! – К Павлу подошел сосед по купе, мужчина с безобразно большим животом. Он держал в руках бутылку коньяка и две бутылки пива. Как только поезд тронулся и проводник проверил билеты, он сразу пошел в вагон-ресторан.

Павел не любил пить с незнакомыми людьми, за исключением случаев, когда это вызывалось «производственной необходимостью», но сейчас, когда на душе было погано, он согласился: «Хорошо, но только по пять капель». Попутчик быстро организовал стаканы, нехитрую закуску, ловко разлил в стаканы граммов по сто. Василий, так звали соседа, оказался не в меру болтливым. Сразу начал хвалиться своими коммерческими делами, со вздохом сожаления шепотом сообщил, что в Питере сорвалось дело как минимум на полмиллиона баксов. От второй порции и от пива Павел отказался, сказав, что рано утром у него работа и он должен быть как стеклышко. Под благовидным предлогом вышел из купе.

В отношении работы Павел не соврал. Он решил ночью немного «поработать». А работать надо в рабочем состоянии. Дело в том, что он неожиданно оказался на мели. Похороны сожрали денег больше, чем он ожидал, кроме того, после похорон он загудел немного со своим лучшим корешом Витьком, и, уже садясь в поезд, он вдруг обнаружил, что сидит практически на нуле. Это было для него необычно. Он, конечно, мог попросить в долг у Витьки, тот дал бы ему и так, но для Паши-Пианиста это было ниже его достоинства. Поэтому, когда Витек предложил ему в ресторане на вокзале на посошок граммов по двести, Павел отказался, весомо мотивировав: «Извини, Витек, работа». «Ну, работа – это святое», – согласился друг и настаивать не стал. Павел даже купил билет до Бологого и не на свой паспорт.

В его купе ехали этот толстый мужик, с которым он уже выпил, средних лет женщина, деловая и неразговорчивая, и старуха лет семидесяти, которая сразу же начала ворчать из-за того, что ей не застелили постель, а «деньги дерут». Старуху он отмел сразу: не понравив-

лась она ему. А вот женщину и мужика он решил обработать. У мужика в левом внутреннем кармане пиджака лежал толстенный «лопатник», у женщины кошелек был положен в середине небольшого чемоданчика среди белья. Она положила его туда после того, как заплатила за постель, и попросила Павла закинуть ее чемодан на верхнюю багажную полку, видимо, посчитав, что теперь ее деньги в сохранности. Ох, уж эти женщины!

В своем деле Паша-Пианист считается профессором. Он работает виртуозно и артистично. Как правило, он обворожительно улыбается жертве, при этом филигранно вытаскивает кошелек, независимо от того, где он находится – в кармане пиджака, в хозяйственной сумке или в дамской сумочке девушки, в которой обычно она и сама-то не сразу разыщет свой кошелек. После этого он опрастывает кошелек, оставляя «терпиле» какую-нибудь мелкую купюру, и затем кладет кошелек на то же самое место, откуда взял. Так в Москве сейчас никто не работает. Многие маститые воры почитают за честь работать вместе с Пашей-Пианистом. Но он работает один – после того случая, когда схватили его напарника в автобусе. Тогда он работал в транспорте. Паша сработал безукоризненно: вытащил кошелек у женщины из сумочки, застегнул молнию, передал кошелек напарнику, молодому салаге, который был у него на «стажировке». Как нарочно, в автобус вошли контролеры, женщина полезла в сумочку за билетом, обнаружила пропажу и заорала благим матом. Придурку напарнику надо было в то же время выскочить из автобуса, тем более что водитель открыл двери и Павел уже ждал «стажера» на остановке. Но того пробил вдруг столбняк, и он, дурак дураком, стоял с открытым ртом и испуганно смотрел на орущую женщину. Мало того что придурка повязали, так он еще и Павла выдал. Тогда он отсидел три года.

Вообще квалификация его «коллег» в последние годы резко упала: режут сумки, пакеты, вытаскивают мобильники у детей, даже продуктами не брезгают. А про грабителей и говорить нечего: подойти сзади к старухе, ударить молотком по голове и вытащить у пенсионерки последние деньги – вешать таких надо за одно место! На зоне Павел их откровенно презирал...

Дверь сзади него открылась, из его купе вышли женщины, молодая в спортивном костюме, старуха – в халате: «Если вам переодеться – заходите...» Деньги у старухи на поясе под халатом, машинально определил Павел. Он кивнул, зашел в купе вместе с соседом. Тот уже опорожнил коньяк и допивал пиво. «И охота жрать в такой духоте», – удивился Павел. Он переодеться не стал, только снял куртку, взял из своей сумки зубную пасту и щетку, при выходе из купе захватил бумажник соседа. В туалете ознакомился с его содержимым: визитки, толстая пачка порнографических открыток, а денег – кот наплакал. «Пижон! Дело у него на полмиллиона баксов!» – в сердцах выругался Павел.

Когда он вернулся в купе, все попутчики уже лежали на своих местах. Павел выключил свет, положил бумажник обратно в карман пиджака соседа, залез на свою полку. «Тот чемодан обработаю перед выходом», – решил Павел, повернулся к стенке, пытаясь заснуть. Но сон не шел. Опять воспоминания. «В последнее время что-то часто меня донимают, старею, что ли, – усмехнулся Павел, – так вроде еще не старый, всего тридцать шесть...»

Это произошло давно, ему тогда было десять лет. Они жили в однокомнатной сталинке у Хитрова рынка: он, мать и отчим. Мать работала санитаркой в акушерском отделении, отчим был вором. Он был равнодушен к нему, Пашке. Мать он не любил, часто бил, иногда под горячую руку доставалось и ему. Но они терпели, так как мать зарабатывала мало.

В тот день он, как обычно, к обеду пришел из школы. Мать быстро налила ему фасолевого супа, поставила тарелку на подоконник: «Ешь быстрее и можешь пойти погулять». В маленькой кухне сидели и выпивали четыре мужика: его отчим, Маркиз, – местный авторитет среди воров, Беспалый, друг отчима, с которым, как понял Пашка, они часто «работали» вместе, и какой-то незнакомый Павлу мужичок, неопределенного возраста, с редкими гнилыми зубами и маленькими бегавшими глазками, которого собутыльники называли «Кулек».

Судя по количеству пустых бутылок водки, друзья сидели уже давно. Разговор шел о каком-то Сиплом, которого давно надо поставить на нож. Павел уже доедал суп, когда в кухню вбежала мать:

– Вы что делаете, ироды?! – высоким, непривычно визгливым голосом запричитала женщина. – Сидите у меня дома, жрите мою еду и меня же и обворовываете!

– Ты чего буровишь, дура? – прикрикнул на мать отчим.

– Цепочку, золотую цепочку с крестиком... кто из вас стащил с комода?

– Женщина, мы воры честные и правила знаем, – возвысил голос Маркиз.

– Единственная память о матери, и ту утащили... Ни стыда ни совести... – Мать была в отчаянии и размазывала слезы по лицу.

– Сама куда-то заховала, ищи у себя, не позорь меня! – грозно прошипел отчим, сжал кулаки, вставая из-за стола.

Павла, который напряженно наблюдал всю сцену, ударило словно током:

– Я знаю, кто взял, – звонкий мальчишеский голос врезался в перепалку, грозившую перерасти в нечто большее.

В кухне на несколько секунд повисла тишина.

– Ты... что сказал, сынок? – вкрадчиво и тихо спросил Маркиз.

– Я думаю, это он взял, – Павел пальцем указал на Кулька.

– Маркиз, это что ж такое?! Если каждая сопля... – Кулек даже задрожал от возмущения.

– Подожди-ка, – прервал его воровской авторитет. Он встал из-за стола, подошел к Павлу, присел на корточки перед ним, с прищуром посмотрел на мальчика. – Ты... понимаешь, ЧТО ты говоришь?

– Да, – Павел сглотнул слюну и закивал головой.

– И ты это можешь доказать?

– Я... попытаюсь...

– Да уж, попытайся, сынок, – Маркиз зловеще усмехнулся.

– Только пусть он встанет, – Павел кивнул в сторону Кулька.

– Маркиз, да за это на зоне... – Кулек не находил слов от возмущения.

– Встать! – тихо приказал ему Маркиз, после этого посмотрел на мальчика.

Павел тоже встал, его всего трясло как в ознобе. Он прилип взглядом к стоящему перед ним худосочному мужчине. Он не понимал, что с ним происходит, это ощущение было таким странным... и он ПОЧУВСТВОВАЛ. Он чувствовал, как от вора исходят волны злобы и страха. Чувствовал их физически...

– Цепочка у него... в брюках... вот здесь... – Павел показал пальцем на маленький потайной кармашек под ремнем.

Маркиз ловким быстрым движением двумя пальцами извлек из карманчика золотую цепочку с маленьким крестиком. Возглас удивления прокатился по маленькой кухне.

– Во, гнида! – тихо произнес Беспалый.

Под тяжелым испепеляющим взглядом Маркиза Кулек, кажется, стал еще меньше ростом.

– Маркиз, я не хотел, это получилось случайно, автоматически, ну... бес попутал, – заверещал Кулек.

– Вон! – сквозь зубы процедил Маркиз. – Потом... с тобой разберусь.

Старший вор вернул цепочку притихшей матери: «Иди, женщина». Отчим, который выпроводил Кулька и вернулся на кухню, удивленно обратился к авторитету:

– Слушай, Маркиз, а ведь Пашка пришел из школы после того, как Кулек взял цепочку...

Все с недоумением уставились на мальчика, который все еще стоял посреди кухни. Маркиз снова подошел к Павлу:

– Откуда ты узнал? – сурово спросил он.

– Я не знал... – честно признался Павел, – я... почувствовал.

– По-чув-ство-вал, – задумчиво и по слогам повторил Маркиз, внимательно в течение нескольких секунд смотрел в лицо мальчика. – Ну-ка, сынок, может, ты почувствуешь, где у меня лежат часы?

Он встал перед мальчиком. Павел напряженно посмотрел на невысокую, плотную фигуру вора, облаченную в дорожную тройку. Незнакомый озноб снова захватил его. Он закрыл глаза, несколько секунд стоял неподвижно, лоб его покрылся испариной. На кухне стояла гробовая тишина, в которой четко было слышно, как равномерно капает вода из крана над раковиной.

– Они у тебя, дядя Степа, лежат в таком маленьком карманчике, справа, ну в этом... – Павел запнулся, – в жилетке, – радостно сообщил он, вспомнив нужное слово, – они такие круглые и с цепочкой...

Павел открыл глаза, его всего трясло, он в робком ожидании взглянул на Маркиза. Тот достал из кармана жилетки круглые серебряные часы на цепочке, показал их всем присутствующим.

– Во, блин, цирк! – с придыханием прошептал Беспалый.

Маркиз молча положил часы обратно в жилетку, достал из кармана пиджака бумажник, протянул мальчику червонец, в то время огромные для Павла деньги:

– Держи, заработал, – затем повернулся к отчиму, – значит, так, Тимоха, пацана отдаешь мне на обучение. Сделаю из него человека. И учти, отвечаешь мне за него головой, хоть один волос с него упадет... понял меня? – грозно спросил воровской авторитет.

Обалдевший отчим только закивал головой, посмотрев на Павла как на марсианина.

На «обучении» у Маркиза Павел был два года. За это время матерый вор-рецидивист научил его многим премудростям. Но не только им. Он привил ему основные правила и законы жизни, по которым сам жил. «Тебе, Пашка, дан большой талант от Бога, береги его, – не раз повторял ему Маркиз, – руки у тебя золотые. Но в нашем деле люди даже с большими талантами сгорают. А все знаешь от чего? От жадности, ну и из-за баб еще. Жадность, она ведь, как ржа железо, разъедает разум. Живи по жизни легко, не будь рабом денег! Тут так: не уверен – не обгоняй! Бери всегда верняк. С шантропой не связывайся. Работай только с проверенными... И еще: никогда никому не доверяй полностью – даже самый лучший друг может предать... уж я-то знаю...»

Павел, как губка воду, впитывал уроки «воспитателя». Обучение закончилось через два года. Маркиза зарезали в какой-то разборке местного масштаба. Через несколько месяцев отчим пошел в очередную ходку, а через год умерла мать. Павел попал в детдом, тетке ему почему-то не доверили. О детдоме что-либо хорошего он ничего вспомнить не мог. Через три года, когда он вышел из детдома, квартира матери была занята многодетной семьей, и он в шестнадцать лет превратился в бомжа. Местные братки, уже прослышавшие о талантах Павла, приютили его. Первый раз он попался по собственной глупости и как несовершеннолетний отсидел всего один год; второй раз – по вине напарника. Тогда он отсидел уже три года по сто сорок четвертой УК. Из этого Павел извлек полезные уроки и больше нигде не прокалывался. Менты, конечно, его пасли, но... не пойман – не вор!

Постепенно Павел стал известным и авторитетным воров, сначала в своем районе, затем – по всей Москве. Известность ему принесла даже не слава высококвалифицированного щипача (таких в Москве немало), а его необыкновенные способности.

Однажды к Паше-Пианисту подъехал Валет, его давний знакомый по первой ходке, который контролировал ларьки в своем районе.

– Слушай, Пианист, такое дело, – как всегда возбужденно, начал Валет, – тут наперсточники с Бауманского залезли в наш район, на автостанцию... сунули там кому-то в нашем районном отделении и уже третий день колбасят, в натуре...

– Ну и что, какие проблемы, Валет? У тебя что, силенок не хватает?

– Обижаешь, Пианист, да я их даже без стрелки пинками... не в этом дело. Хочется их сделать красиво, – Валет щелкнул пальцами, – так сказать, демократично, в духе времени... Как ты, сможешь? Весь навар – твой...

– Хорошо, я понял, назначай время.

На следующий день Павел, одевшись под провинциального лоха, зашел на автостанцию. Наперсточника он увидел на площадке между ларьками. Молодой рыжий паренек ловко манипулировал колпачками на небольшой доске, зазывал клиентов: «Господа, не проходите мимо своего счастья... Игра для настоящего мужчины...» Метрах в двадцати стояло прикрытие: двое быков с дебильным выражением лица. Павел, изображая горячий интерес и нерешительность, приблизился к рыжему:

– Ты... это... по чем играешь?

– Сколько хочешь поставить? – рыжий игрок оценивающе посмотрел на Павла.

– Ну, давай по червонцу. – Павел достал десять долларов.

– Лады, клади на кон, – замелькали ловкие руки рыжего. Когда они остановились, рыжий, широко улыбнувшись, показал на доску: – прошу.

Павел долго колебался, затем в нерешительности показал на средний колпачок:

– Кажись, этот...

– Молодец, – похвалил его рыжий, открыл колпачок, под которым находился шарик. – Давай еще?

– Давай! – с азартом согласился Павел.

Следующую игру он проиграл – для затравки. Затем увеличил ставку до пятидесяти долларов – выиграл. Рыжий опять его похвалил, предложил увеличить ставку до ста долларов. Бедняга, он не знал, что его ожидало!

Первые признаки нервозности рыжий проявил после того, когда Павел выиграл три раза подряд по сто долларов. На слепую удачу это явно не походило. Вокруг образовалась толпа зевак. Павел чувствовал, как напряглись быки. Он выиграл еще триста долларов. Рыжий, надо отдать ему должное, проявил похвальную выдержку. Он даже улыбался, но улыбка выглядела довольно кислой. Его руки мелькали в бешеном темпе так, что нормальному человеку просто невозможно было уследить за манипуляциями его рук и пальцев. Но перед ним сидел НЕ НОРМАЛЬНЫЙ человек. Павел даже не следил за его руками. Он смотрел только в лицо рыжего и, когда тот останавливался, с виноватой улыбкой указывал на колпачок, под которым был шарик.

Рыжего пробил пот. На него было жалко смотреть. Проиграв еще четыреста долларов, он с ненавистью посмотрел в лицо Павла, шепотом выдавил:

– Играешь классно. Давай по последней. На весь твой выигрыш, на кону две тысячи баксов!

– Идет, – согласился Павел.

В бешеном темпе замелькали руки рыжего. На всякий случай Павел стал следить за ними. Опа! Вот это движение непонятно: игрок буквально на десятую долю секунды зачем-то повернул левую руку ребром. Мелькание рук прекратилось. «Прошу». – Рыжий ядовито улыбнулся.

Павел напрягся: он не чувствовал шарика. То есть он явно ощутил, что ни под одним колпачком шарика не было. Это еще что за фокус?! Павел был немного озадачен. Он бросил быстрый взгляд в лицо рыжего, затем на руки, которые еле заметно дрожали, и все понял. Он быстро схватил рыжего за запястье и вывернул ему левую руку ладонью наружу: шарик находился между средним и безымянным пальцами.

– Нехорошо, братишка, – Павел укоризненно покачал головой.

– Ты, мудака, ну-ка встань! – Два быка надвигались горой на Павла, предвещая отнюдь не дипломатическую встречу.

Вдруг по бокам быков, словно из-под земли, выросли по двое спортивного вида ребят из команды Валета: «Спокойно, братаны...»

Вразвалочку подошел Валет, обратился к рыжему: «Отдай ему что проиграл», – кивнул на Пашу-Пианиста. Рыжий безропотно отслюнявил Павлу тысячу долларов. – А вы, дебилы, передайте от меня привет Бегемоту, скажите, что если он еще раз залезет на мой огород, то навоз на него ему придется до-о-лго возить, – только после этого он поблагодарил Павла. – Спасибо, Пианист, я такого удовольствия уже давно не получал, класс! Пошли, отвезу тебя, куда скажешь. – Он показал рукой на шикарный «Мерседес», стоявший недалеко у обочины дороги.

С годами природные способности Павла развились до необыкновенного совершенства. В карты с ним никто играть не садился: бесполезно!

...Равномерный перестук колес, легкое покачивание вагона, косые лучи прожекторов на полустанках, мимолетно залетающие через окно купе. Павел взглянул на ручные часы со светящимся циферблатом: скоро Бологое, пора вставать. Прислушался к тишине в купе: все тихо, никто не ворочается.

Он опустил с своей полки, встал ногами на нижние полки, прежде чем взять свою сумку, открыл молнию чемодана женщины. Вдруг он *почувствовал* чей-то взгляд на своей спине. Павел напрягся, несколько секунд постоял неподвижно.

– Включи свет, чего в темноте-то шарашисься, – прозвучал ворчливый голос старухи.

– Да нет, ничего, я нашел уже свою сумку, – спокойно ответил Павел, застегивая обратно чемодан женщины, – боюсь разбудить вас...

– Да тут разве уснешь... при таком концерте... нажрался, и ему хоть бы что.

Храп мужчины в купе действительно достиг апогея и напоминал тарахтение трактора под управлением тракториста, которого в понедельник заставили работать, не дав ему опохмелиться.

Павел взял свою сумку, поставил ее на свою полку, оделся, бросил в темноту купе «До свидания», вышел из купе. Несколько минут стоял в длинном пустом коридоре. Во блин! Двойной облом, давно такого не было. Не в Бологом же мне ночью промышлять! Взглянул на часы: время есть, пройтись по соседним вагонам?

Он прошел в соседний вагон. Поезд замедлял ход, дергаясь на железнодорожных стрелках. Коридор был пустой, из купе никто не выходил. Прошел в следующий вагон. В предбаннике у туалета он увидел широкую фигуру проводницы, удаляющуюся в другой конец коридора.

Из третьего купе вышла хрупкая девушка в спортивной курточке и с большим полиэтиленовым пакетом, следом за ней – мужчина с большим кожаным чемоданом. Он был в брюках, рубашке и в туфлях. «Иностранец!» – сразу определил Павел. Он вычислил его по двум деталям: во-первых, он был в дорогих и, главное, начищенных туфлях, а во-вторых, был в брюках. Наш турист, а тем более командированный, в поезде дальнего следования никогда не будет в брюках. Он будет в туфлях и в трико, на одной штанине обязательно собранном в гармошку. И еще: мужчина вставил в рот сигарету, достал зажигалку, но не закурил. Явно не наш! Но одна деталь Павла насторожила: иностранец стрельнул взглядом туда-сюда и быстро закрыл дверь купе железнодорожным ключом. Для иностранца более чем странно!

Стоп! Павла вдруг прострелило – а ведь это вагон СВ! Значит, купе пустое. Павел весь напрягся, вперед! Он пошел не спеша по коридору, на ходу доставая проводнический ключ. Вдруг перед ним открылась дверь шестого купе, из него высунулась огромная клетчатая сумка, затем крючковатый нос, затем его обладатель – черноволосый сын Кавказа. Следом за ним другой его соотечественник, но уже с двумя такими сумками. «Ездят тут всякие», – ругнулся про себя Павел. Но это было ему на руку: прикрытие – лучше не придумаешь.

Он прошел за спинами двух кавказцев, быстро открыл третье купе, вошел в него, прикрыл дверь.

Поезд остановился, за окном было видно здание вокзала. Как он и ожидал, в купе никого не было. На столе лежала пачка сигарет, стояла бутылка колы. Павел почувствовал нестерпимую жажду и едва удержался от того, чтобы хлебнуть из этой бутылки. Он увидел на вешалке у двери кожаное пальто, быстро ощупал карманы: в правом кармане немного мелочи и больше ничего. Пиджак под плащом – тоже ничего! Поднял полку сиденья. На полу стояла кожаная плечевая сумка, компактная, изящная, явно не производства фабрики «Красный Октябрь». Вынул сумку, поставил ее на полку: так, сумочка с секретом. Павел вынул из ремешка часов специальную шпильку с маленьким крючком: раз! И сумочка открыта. Что в ней: электробритва, комплект нижнего белья в полиэтиленовом мешочке, сверху какая-то миниатюрная скульптура башни – отложил ее в сторону, чтобы не мешала, – какая-то книжка, набор открыток, туалетные принадлежности, маленький радиоприемник... Черт, ничего примечательного! С досады Павел взял из сумки записную книжку, положил ее в свой карман куртки, закрыл сумку, поставил ее обратно на прежнее место. Уже при выходе из купе он заметил макет башни, которую забыл положить обратно на место. Сунул ее в свою сумку, приоткрыл дверь купе, *почувствовал*: коридор пустой.

Спокойно вышел из купе, пошел обратно в соседний вагон. Проводница этого вагона обтирала тряпкой поручни у двери. «Хозяйка, где здесь пиво можно купить?» – спросил Павел женщину. «Вон, на перроне, через два вагона», – махнула в сторону проводница, не глядя на него. Павел вышел на перрон, огляделся: девушка идет в здание вокзала, иностранца на перроне не видать, два милиционера остановили кавказцев, проверяют документы. Это хорошо, значит, на меня внимания не обратят! Пошел в указанном направлении. Через два вагона в киоске купил у сонной продавщицы бутылку колы, с жадностью выпил сразу половину.

В здание вокзала заходить не стал. Прошел на привокзальную площадь. Посчитал наличность: черт, даже на такси не хватит! Подошел к пассажирской «Газели», спросил у водителя: «Скоро поедешь?» – «Через двадцать минут». Павел сел в полупустой салон на заднее сиденье, поставил сумку между ног, решил проверить «трофеи». Скульптурка представляла собой макет Исаакиевского собора, ничего особенного. На титульной стороне записной книжки Павел прочитал рельефную фразу: «Good Birthday!» – «С днем рождения!» Английский язык он знал неплохо. В салоне было темно, и Павел отложил изучение записной книжки на светлое время суток.

«Надо позвонить завтра Александру Юрьевичу», – вспомнил Павел. О нем у него остались хорошие воспоминания. Как тогда мы вместе работали! С ментами он никогда не работал. А вот с КГБ сотрудничал. И как! Есть что вспомнить!

Водитель сел в машину, завел мотор. Неплохо бы поспать, подумал Павел, вытянул ноги и закрыл глаза.

Карманный вор Павел Касаткин ехал обратно в Москву. При этом он даже не подозревал, что последний инцидент, связанный с записной книжкой иностранца, сильно повлияет на судьбу многих людей, в том числе и его собственную.

Глава IV

От безделья Михаил потихоньку начинал звереть. Третий день он безвылазно сидит в номере люкс московской гостиницы. Старается придумать для себя новые развлечения: играет в шахматы сам с собой, по пять-шесть раз в день занимается гимнастикой. Сегодня нашел новое развлечение: бросает дротики в круг. Вчера купил на втором этаже возле буфета. «Дартс», кажется, называется. Два часа подряд бросал дротики и достиг неплохих результатов. Взял колы из холодильника, включил телевизор. Попрыгал по каналам, остановился на последних новостях. Все телевизионные программы говорили на одну тему: о предстоящих президентских выборах. Основная борьба, как понял Михаил, между действующим президентом и лидером коммунистов.

По сравнению с 1992 годом Ельцин сильно изменился: стал более грузным, речь замедленная и косноязычная. Неужели никого лучше не могут найти? Михаил вдруг поймал себя на мысли, что это его больше не волнует. Ну да, ему интересно следить за событиями в России, его бывшей Родине, но он наблюдает за ними как сторонний наблюдатель, без эмоций. «А есть ли вообще это чувство Родины», – не раз задавал себе вопрос Михаил.

Тамара запретила выходить ему из гостиницы. Она с утра до вечера где-то пропадает, а он киснет здесь третьи сутки. Понятно, что ему еще полностью не доверяют, но не до такой же степени, что даже из гостиницы нельзя выйти! Хотя он сам осознает, что по Москве ему сейчас лучше не гулять: мало ли на кого из знакомых наткнется!

Тамара... интересная женщина. *Не в этом* смысле! Хотя и в *этом* плане тоже – довольно ничего! Познакомился с ней полтора месяца назад. Сам начальник школы привез его в двухэтажный коттедж под Анкарой. Там он его представил хозяину объекта: Махмуду, пожилому худощавому мужчине, с морщинистым лицом, похожим на засушенную грушу. Махмуд беседовал с ним долго. Он говорил с ним тихим ровным голосом, перебирая четки, изредка смотрел на него, пронзая взглядом, словно рентгеном.

Араб спросил его о некоторых фактах его биографии, которые он уже отражал в анкетах при поступлении в диверсионную школу, поинтересовался, где бы он хотел остаться позднее. Михаил ответил, что если заработает денег, то останется в Турции. На вопрос, как он относится к России, он сказал, что был там несколько раз, но страну знает плохо. Затем Махмуд познакомил его с Тамарой.

Они вошли в просторный спортивный зал, в котором были пара тренажеров, турник. В зале была хрупкая девушка, в черных трико и майке, отрабатывала удары на груше: удар пяткой с поворотом на 180 градусов.

«Тамара, познакомься, это твой будущий партнер», – представил его Махмуд. Девушка подошла поближе, большие черные глаза смотрели на него настороженно и внимательно. «Вольф», – Михаил постарался изобразить дружелюбную улыбку и протянул Тамаре руку. Она неуверенно протянула ему свою для рукопожатия. Рука ее была маленькая, узкая, но сильная. Махмуд усмехнулся, наблюдая сцену знакомства, сообщил: «Она будет для тебя старшая. Все ее приказы будешь выполнять как мои. Тамара, а ты поработай с ним немного, потом введи в курс дела».

Когда они остались вдвоем, девушка велела ему снять куртку, смерила его взглядом, с ехидцей сказала: «Ну, покажи, чему тебя там научили», – неожиданно ударила боковым ударом ноги по голове. Михаил молниеносно нырнул, нога противника просвистела в нескольких сантиметрах над его головой.

Он вел бой в расслабленном темпе, изучая противника, изредка контратакуя. Удар – блок, удар – нырок, удар – выпад в ответ. «В целом работает довольно грамотно, – определил Михаил. – Удары простые, но техничные». Наконец, при проведении девушкой прямого

удара ногой ему удалось поймать ее за пятку. Двумя руками он дернул ногу на себя, выпрямив ее, резко повернул ступню вправо. Девушка вскрикнула от боли, упала на пол, сблотив на руки. Правая нога осталась в руках Михаила. Вот теперь удар в живот – и противник практически сделан.

Бить или не бить, колебался Михаил. Вдруг девушка, воспользовавшись паузой, спружинила руками и по немыслимой траектории свободной левой ногой ударила Михаила в пах. Удар пяткой был несильный, но точный. От резкой боли Михаил выпустил ногу девушки и присел на корточки. Тамара встала на ноги, насмешливо поинтересовалась:

– Ну, как, живой?

– Нормально, – выдавил из себя Михаил и заставил себя встать. Тамара подошла к нему поближе, с ноткой превосходства заметила:

– Никогда не жалею противника, даже женщину.

– Хорошо, учту на будущее. – Михаил внимательно посмотрел в огромные глаза Тамары.

В коттедже они пробыли месяц: занимались в спортзале, изучали современную обстановку в России, зачем-то сидели на занятиях по общей психологии, шлифовали легенду. По легенде они муж и жена, прибывшие из Грузии, занимаются бизнесом.

С какой целью их посылают в действительности, Михаил не знает. Канал переправки организован четко: через Пакистан их перебросили в Тбилисси, оттуда самолетом в Москву; паспорта сделаны хорошо, проблем при пересечении границ не возникало.

Зачем они торчат в гостинице третий день, Михаил не знает, а Тамара ничего не говорит. Сообщила только, что скоро они получают подробные инструкции, а затем уедут из Москвы.

Отношения между ними сложились довольно прохладные. Она говорит с ним только в самых необходимых случаях. Держится с ним как с попутчиком в купе поезда, которого нужно просто временно терпеть.

Как-то, глядя на соблазнительно стройную фигурку Тамары, Михаил вслух заметил, что для подтверждения легенды можно было бы иногда играть роль любящих друг друга супругов. «Обойдешься», – холодно бросила «соратница». «Чушь какая-то!» – с досадой размышлял Михаил.

В номере зазвонил телефон. «О, Тамарочка прорезалась», – обрадовался Михаил. Но в трубке с деланой игривостью прозвучал чужой женский голос:

– Добрый вечер, отдохнуть не желаете?

– А что вы можете предложить?

– Ну... это зависит от вкуса. Мне девятнадцать лет, я блондинка.

– Сколько вы берете за час? – Михаил понял, о чем идет речь.

– Всего лишь сто долларов. Обещаю незабываемые ощущения.

– Хорошо, заходите. Мой номер...

– Я знаю, уже иду... – Голос в трубке прозвучал томно и многообещающе.

Через несколько минут в номере появилась высокая блондинка с короткой стрижкой, внешне симпатичная, одета в короткую клетчатую юбочку и голубую блузку. Михаил спросил имя, назвалась Татьяной.

– «Татьяна, русская душой...» – задумчиво произнес Михаил, вспомнив классические строки, внимательно разглядывая путану.

– Со мной можно все, но только с резинкой и без извращений. Деньги вперед, – девушка оборвала лирические изыски клиента, стала деловито расстегивать блузку.

Через несколько секунд она встала перед ним в узких голубых трусиках и бюстгальтере, села к нему на колени.

– А у тебя ничего номерок, – оценивающе окинула обстановку комнаты. – Один здесь?

– Нет, с «соратником», – хмыкнул Михаил.

– Он не придет сейчас?

– Не должен, обычно поздно приходит.

Словно в насмешку Михаил услышал знакомые легкие шаги, остановившиеся у входной двери. Ручка в двери повернулась. «Черт! Ни раньше ни позже!» – ругнулся про себя Михаил.

Тамара вошла в номер, держа в руках большую и тяжелую сумку. Увидев пикантную картинку, застыла на три секунды, медленно прикрыла за собой дверь.

– Пока тебя не было, решил пообщаться с местным населением, – сморозил Михаил.

Тамара смирила путану ледяным взглядом, коротко приказала: «Уходи!» Татьяна фыркнула, встала с колен мужчины, демонстративно медленно стала одеваться, бросила Михаилу: «Мужик, за вызов заплати, я из-за тебя ценного клиента потеряла...» Михаил достал из бумажника двадцать долларов: «Извини, Танюша, первым делом самолеты».

Татьяна ушла.

– Ты что себе позволяешь? – Тамара была вне себя. – Я же приказала: никаких контактов!

– Послушай ты, командирша гребаная, – в свою очередь взвился Михаил, – если ты разыгрываешь из себя такую целомудренную, то я на роль святоши уже давно не тяну.

– Кобель несчастный. – Тамара презрительно посмотрела на Михаила. – Мне говорили, что у тебя нет ничего святого. Я буду вынуждена доложить шефу о том, что ты нарушаешь инструкции. Тебя могут отстранить от задания.

– Слава аллаху! Я буду только рад избавиться от твоего общества.

Михаил взял из шкафа постельное белье (они спали раздельно, хотя в спальной комнате была шикарная двухместная кровать), расстелил его на своем диване, включил телевизор.

На следующее утро они выехали из гостиницы на конспиративную квартиру в Мытищинский район. Квартира (хрущоба) состояла из небольшой комнаты, крохотной кухоньки, совмещенного санузла и сомнительного в плане прочности балкончика с горбатым цементным полом. Мебель самая необходимая, новая, но подобрана без вкуса: уголок, диван, журнальный столик на субтильных ножках, вычурный торшер, на кухне – дешевенький гарнитур отечественного производства, холодильник. Единственное, что больше всего порадовало Михаила, – это телевизор «Тошиба» с прекрасным изображением.

– Придется тут пожить немного, – проинформировала Тамара, распаковывая вещи.

– Сколько? – уточнил Михаил.

– Не знаю, может, недели две, может, больше.

– А потом?

– Потом переедем в N-ск. Но пока там подготовят место, пока сделают документы...

– Тамара, не пора ли тебе рассказать что-нибудь? На кого мы работаем, какое задание?

– Какая тебе разница? Тебе платят деньги.

– Послушай, Тамара, я не робот, а профессиональный разведчик. И потом, тебе самой разве безразлично, с кем ты ведешь борьбу против своей Родины?

– Ты чего мелешь? Какой Родины? – Тамара вскинула на Михаила подозрительный взгляд.

– Тома, я немного знаю чеченский язык. Мне приходилось общаться с твоими соплеменниками. В гостинице я случайно услышал, как ты говорила с кем-то на чеченском и спрашивала о здоровье дяди Омара. Он что, твой шеф? – от Михаила не ускользнуло, как на секунду смешалась Тамара.

– Это моя деловая связь.

– Ну да, с которой надо говорить в два часа ночи, чтобы узнать здоровье его детей. Ладно, меня это не интересует. Ты пойми только одну вещь: если уж мы с тобой находимся сейчас в одной упряжке, то должны друг другу хоть немного доверять, хотя бы в рамках задания, которое нам поставят.

– Согласна, но я сама еще ничего не знаю. – Она виновато улыбнулась и в этот момент показала Михаилу удивительно красивой.

– Тебе никто не говорил, что ты очень привлекательна, когда улыбаешься?

– Зачем ты это говоришь?! – Тамара вдруг посмотрела на него пронзительно печальным взглядом.

– Извини, сорвалось, больше не буду.

– Тебе надо постричь голову наголо и отрастить бородку, чтобы выглядеть так, как ты был в школе, – сообщила Тамара. – Это для паспорта.

– Слава аллаху, что не надо делать обрезания!

– Можешь теперь выходить из квартиры, но за пределы района не выезжай!

– Спасибо и на этом, – усмехнулся Михаил.

Та незримая теплая волна, что вдруг возникла между ними, исчезла, и стена отчуждения вновь разделила их.

Постепенно отношения между ними потеплели. Тамара говорила с ним уже нормально, по-человечески, а не как унтер-офицер в казарме с солдатом. В Москву она за две недели выехала всего один раз.

Однажды в теплый апрельский денек после обеда Тамаре кто-то позвонил на сотовый. Она вышла из комнаты на кухню. Михаил слышал только ее односложные ответы: «Да... хорошо, нет, все в порядке. Во сколько? В шесть? Хорошо, договорились...» После этого она засобиралась.

– На явку? – спросил Михаил.

– Да, на встречу, – озабоченно ответила Тамара, не заметив иронию в вопросе Михаила.

Вдруг его посетила озорная мысль: «А не сесть ли мне ей на хвост?» На пороге, провожая Тамару, он зевнул и задумчиво задал вслух сам себе вопрос: «А не покемарить ли мне минут этак сто двадцать?» Захлопнув дверь за женщиной, он быстро оделся и вышел.

Тамара направилась к железнодорожной станции, где обычно кучковались частные таксисты. Там она села в «Жигули» с шашечками, поехала в направлении Москвы. Михаил быстро подскочил к молодому парню у «Москвича»:

– Свободен?

– Садись, куда?

– Вон за теми «Жигулями», но только не приближайся, чтобы пассажирка не заметила.

– Клево! Твоя баба, что ли?

– Жена... Давно пудрит мне мозги, хочу на месте застукать, специально с работы отпросился.

– Дело! – водила одобряюще хмыкнул. – Бабы сейчас ва-аще сдурели. Подавай им мужика с «Мерсом», чтоб там шмотки дорогие, кабак крутой... А на что?! У нас на заводе три месяца уже ни копы не платят! Если бы не этот драндулет, то зубы на полку положил бы. Опустили русского мужика!

Пассажир вполуха слушая словоохотливого водителя, поддакивая ему, напряженно наблюдал за «Жигулями». Юркая «шестерка» долго петляла по Москве, наконец, остановилась неподалеку от речного вокзала. Тамара вышла из машины.

Михаил щедро расплатился с водителем. Тот пожелал ему успеха (непонятно в чем?!), прибавил: «Если что – подходи, кореш, я всегда на этом месте, может, помогу чем».

Михаил пошел за Тамарой. Она шла не спеша, смотрела на номера домов, видимо, ориентируясь в незнакомом районе. Один раз спросила что-то прохожего. Тот показал ей рукой направление. Вскоре Тамара подошла к кафе с поэтическим названием «Вечный зов», вошла вовнутрь.

Кафе, вероятно, отстроенное еще в советские времена, было стеклянным, поэтому Михаилу вести наблюдение было очень удобно. Женщина села за столик к мужчине, который уже

дождался ее. Разглядеть его Михаил не смог: он сидел спиной к улице. Было видно, однако, что он в джинсовой куртке и брюнет.

Беседа закончилась минут через двадцать, после чего Тамара вышла из кафе, направилась к станции метро. Михаил по инерции «вел» ее до железнодорожного вокзала и только в электричке, расположившись в соседнем с Тамарой вагоне, прекратил наблюдение, так как оно не имело уже смысла: где выйдет Тамара, он знал. Когда они вышли с электропоезда, было уже темно. Тамара прошла один квартал, затем свернула в парк. Так дорога к их дому короче.

Редкие фонари тускло освещали пешеходную дорожку в пустынном парке. Тоненькая, стройная фигурка Тамары в кожаном, перетянтом поясом пальто мелькала перед Михаилом метрах в пятидесяти. «Надо же, – невольно удивился Михаил, тридцать два года, а фигура как у шестнадцатилетней девочки».

Вдруг словно из-под земли перед женщиной выросли три мужские фигуры. Тамара остановилась, Михаил тоже. Несколько секунд женщина стояла в окружении мужчин. Затем все произошло быстро, как в мониторе, когда пленка включена на ускоренную перемотку.

В кучке людей произошло какое-то движение, что конкретно, Михаил не увидел, так как Тамара и мужчины стояли в неосвещенном месте. Двое потащили девушку в темноту деревьев. «Так, мужички явно не относятся к категории джентльменов», – понял Михаил и быстро направился к месту происшествия, подкрался к кустам, спрятался за один из них. Под деревьями на газоне шла какая-то возня. Михаил услышал только сдавленный голос Тамары: «Не надо, отпустите меня...»

– Тише, сучка! Не будешь кричать и брыкаться, оставим живой, – услышал Михаил хриплый голос одного из насильников. Он увидел спины двух других мужчин, третий возился на Тамаре, поваленной на землю.

– Ну, ты чего телишься, давай быстрее! – прозвучал нетерпеливый сиплый голос.

– Да молния у нее на брюках заела, – прохрипел первый голос.

– Да порви ее и втыкай, – посоветовал сиплый.

– Братаны, может, поделитесь? – Михаил встал из-за кустика, ступил на мягкую землю газона.

– Это еще чо за козел? – мужчина с сиплым голосом и второй, рядом с ним, мгновенно обернулись.

Михаил расстегнул куртку, сжал кулаки, медленно пошел на мужчин.

– Коля, ну-ка разберись с ним, – приказал сиплый.

Медведеподобный Коля молча пошел на Михаила. Он был выше его на голову и очень самоуверен: шел на противника открыто, широко расставив свои руки-грабли. По-видимому, он еще ни разу не встречал достойного отпора.

Михаил провел незамысловатую триаду: его правый локоть молниеносно клацнул по массивной челюсти медведя, поворот на сто восемьдесят спиной к противнику – удар правой рукой, усиленной левой, локтем в солнечное сплетение, через долю секунды ребро правой ладони врезалось во что-то мягкое между ног мордоворота. Грузный Коля, охнув, упал на четвереньки, хватая ртом воздух.

Сиплый, не ожидавший такого результата, на секунду окаменел, затем выдохнул: «Ах, ты...» Не найдя подходящего слова, пошел на Михаила, изображая боевую стойку. Удар носком ботинка чуть ниже коленной чашечки, левым носком – сбоку по печени и завершающий прямой костяшками пальцев распластанной ладони точно в кадык. Второй со смачным шлепком упал, чтобы посушить своим телом нашу грешную землю. «Надолго в отрубе», – констатировал Михаил.

Между тем третий был уже на ногах. Это был невысокий, но накаченный крепыш. Он поостерегся нападать сразу, видимо, не желая разделить горькую участь своих сотовари-

щей. Крепыш как-то зигзагообразно приближался к Михаилу, выставив вперед левый кулак, а правую руку прижимая к боку. Нож в правой, догадался Михаил. Он широко улыбнулся крепко сбитому парню, поманил пальцами двух рук к себе. Тот, недобро сверкнув глазами, сделал выпад с выдохом «Ха!» – лязгнуло выкинутое лезвие ножа.

Михаил прыжком откинул свое тело назад и влево, развернув его параллельно направлению удара, перехватил руку нападающего за кисть, дернул ее, вытянув и одновременно закрутив до предела. Нож выпал из руки.левой рукой нажал на вывернутую руку противника, используя ее как рычаг. Парень ткнулся лицом в грязь. Михаил навалился всей тяжестью тела на локтевой сустав. «Хрясь» – сломанная рука болтается плетью.

Не обращая внимания на стонущих насильников, он подошел к Тамаре, помог ей подняться с земли. Ее всю трясло. Она что-то силилась сказать, но не могла: спазмы сжимали ей горло. Он обнял ее, прижал к себе, постарался успокоить: «Ну, что ты? Все нормально, все хорошо. Успокойся, пошли, нам надо уходить отсюда...» – повел ее домой.

Редкие прохожие, попадавшие им навстречу, не обращали внимания на мужчину и женщину в пальто, измазанном в грязи. Ничего особенного, мужик ведет свою подвыпившую бабенку.

В квартире Михаил внимательно рассмотрел Тамару: фингал под глазом, кофточка на груди разорвана.

– Ничего не сломали тебе? – спросил он. Женщина отрицательно покачала головой. – А что у тебя глаза красные? Плакала, что ли?

– Они прыснули мне перцем в глаза. Ты следил за мной, – усмехнулась Тамара.

– Не следил, а охранял, – поправил Михаил.

– Ладно, все равно спасибо. Мне надо принять душ.

– Конечно, а я пока что-нибудь сварганю. – Он прошел на кухню.

В ванной Тамара была долго. Наконец, она крикнула Михаилу: «Вольф, принеси мне халат!» Михаил прошел в комнату, взял с дивана халат, подошел к ванной комнате. Дверь на защелку была не закрыта. «Я принес», – крикнул он в дверь.

Тамара распахнула дверь. Она стояла голая на коврике у ванной. Молча смотрела на него жгуче-черными глазами. Михаил застыл, тоже оторопело смотрел на нее. Темный треугольник ниже пупка резко контрастировал с бело-матовой кожей девушки. Больше всего его поразили ее груди: небольшие, они стояли острыми холмиками и смотрели на него розовыми сосками.

– Ну, давай халат-то, – Тамара улыбнулась, – холодно.

Михаил протянул ей халат. В горле у него стало сухо, прохрипел:

– Пошли, ужин на столе.

На кухне он достал из холодильника бутылку коньяка, две рюмки: «Будешь?» – предложил подошедшей Тамаре. Та утвердительно кивнула головой.

– Скоро поедем в N-ск, – сообщила Тамара новость.

– Что мы там будем делать? – поинтересовался Михаил.

– Разведка. Завтра придет шеф, все расскажет. – Тамара отодвинула тарелку с недоеденными пельменями. – Пошли спать.

– Да, пошли. Ты иди пока, я... посуду уберу.

Михаил долго мыл посуду. Перед его глазами все еще стояли по-детски нежные груди Тамары. Неожиданно его охватило давно забытое сладостное возбуждение. Он помыл посуду, составил ее на полку, прошел в ванную, долго чистил зубы.

В комнате было темно и тихо. Но Михаил сразу заметил, что диван впервые раздвинут, на нем две подушки. На одной из них темнели шелковистые волосы Тамары.

– Телевизор включить? – спросил Михаил.

– Не надо, иди... ко мне... – Голос Тамары прозвучал тихо и непривычно неуверенно.

Михаил нырнул под одеяло, лег на спину. Тамара повернулась на бок, прижалась к нему, просунув свое маленькое колено между его ног. Ее голое тело обожгло. Она привстала, положила голову на руку, согнутую в локте. Смотрела на него долгим, пронзительным взглядом.

– Ты знаешь, – промолвила она, – иногда у тебя такой взгляд... добрый-добрый, а иногда от тебя веет смертью. Кто ты такой вообще?

– Волк. Одинокий... – усмехнулся Михаил.

– Волк, – задумчиво повторила Тамара, подушечками пальцев провела по его груди, – нет, ты не волк, ты человек!

Она приблизила свое лицо к его лицу. Он ощутил ее дыхание. Губы Тамары, теплые и удивительно нежные, заскользили по его губам...

Глава V

Второй секретарь посольства США в Москве Тони Митчелл находился в своем кабинете и пребывал в пресквернейшем расположении духа. Он несколько раз перерыл свою дорожную сумку, просмотрел все карманы костюма, пальто – бесполезно! Исчезли две вещи: миниатюрная скульптурка Исаакиевского собора и его рабочая записная книжка.

Что касается питерского сувенира – черт с ним! А вот записная книжка... В ней много-много чего записано. Хотя, попади она в руки чужому человеку, он самого важного из нее все равно не возьмет: все имена и адреса агентов в ней надежно зашифрованы. Все остальное – номера телефонов его друзей, коллег, номера счетов посольства, координаты некоторых фирм и офисов в Москве – тут больших секретов нет. Вот только один телефончик он не успел закодировать: записал его карандашиком на самой последней страничке. Этот телефон ему дал резидент в Питере. Но он его запомнил. Память у него профессиональная.

Тони еще раз проанализировал весь вчерашний вечер. Он был практически трезв. Пятьдесят граммов виски, которые он перед отъездом выпил с резидентом, – не в счет. Записная книжка была все время в сумке, а сумку он постоянно держал при себе. В поезде она все время находилась под его полкой. Кроме проводницы, в купе никто не заходил. Девушка-студентка, которая стеснялась даже разговаривать с ним, вне подозрений. Выйдя из поезда, он сразу сел в посольскую машину и приехал сюда. Из купе он никуда не выходил.

Стоп! Нет, выходил! На станции с названием, кажется, Бологое, он вышел на перрон, помог девушке вынести чемодан. На перроне был минуты две, покурил, больше выдержать не мог, так как было довольно прохладно, а пиджак он не надел. Неужели в этот промежуток времени мог кто-то зайти?

Зайти, конечно, мог. Но надо было открыть дверь купе специальным ключом, достать сумку, открыть ее (а сумка заблокирована хитрым шифром, который он сам, зная его, вскрывает секунд сорок), достать книжку, затем закрыть сумку – замок в ней не поврежден, – поставить обратно, выйти из купе... – нет, за три минуты это невозможно! Черт знает что! Мистика какая-то!

Митчелл, вздохнув, опустился в кресло, задумался. Факт оч-чень неприятный. По инструкции он должен доложить резиденту. А что докладывать? Что его, кадрового разведчика с двадцатилетним стажем, обчистили как лопуха?! Причем не просто обчистили, а вытащили самое важное – его рабочую записную книжку! А вот здесь вырисовывается нехорошая версия. М-м-да, пожалуй, лучше не докладывать – себе дороже!

Можно сообщить офицеру безопасности посольства: мол, сперли в дороге дорожную сумку. Московские поезда этим славятся. Но тот все равно ничем не поможет, только накапает послу, при этом все передернет: говнюк еще тот!

Тони Митчелл перевернул листок настольного календаря, записал номер телефона нового кандидата на вербовку, при этом номер закодировал: к каждой цифре телефона добавил число шесть – это будет его шестой источник, самый важный.

Информация, которую ему вчера сообщил резидент в Питере, была необычной, смахивающей на фантастическую повесть. Русские разработали новое психотронное оружие. Эффективность этого оружия очень высока: пока таких аналогов нет, и в ближайшее время в мире не будет.

«Представьте себе, Митчелл, – рассказывал ему резидент, – вот, допустим, стоят две противоборствующие армии перед битвой. Никакого компромисса быть не может. Но тут приходит «спец» с маленьким приборчиком, величиной с кейс, включает аппаратуру, присоединяет ее к своей голове и мысленно приказывает солдатам противника все, что захочет. После этого они послушно складывают оружие у наших ног; мы их как овец загоняем в машины и отвозим

в уже готовые резервации. Все это тихо, мирно, без единого выстрела. И заметьте, Митчелл, как это гуманно!»

Если такое оружие существует, то это означает, что человечество поднимается на новую ступень цивилизации. Не нужно больше оружие массового поражения, не нужно строить самолеты, авианосцы, не нужно готовить кадровых офицеров, ВПК вообще не нужен! А нужны лишь достоверная информация о дислокации сил противника, соответствующая техника и спецы.

А такие спецы у русских есть где-то под N-ском. Наша задача – заполучить хотя бы одного такого спеца и получить сам секрет, технологию зомбирования большого числа людей. Лезть в N-ск, по мнению резидента, сейчас нецелесообразно: после побега оттуда к нам одного «технаря» русские могут усилить контрразведывательное обеспечение объекта. «Дыру» надо искать здесь, в Москве. И одного источника уже нашли. Его телефон ему резидент как раз и передал вчера.

Вообще русские – непонятная нация. Имеют уникальные технологии и не используют их, обладают такой обалденной концентрацией гениев и не ценят их! Своим высококвалифицированным специалистам, от которых у его соотечественников, бизнесменов и ученых, слюнки текут, платят такие гроши, за которые у нас не работают даже откровенные бездари.

Митчелл почувствовал, как засосало под ложечкой: пора пойти позавтракать. Он встал из-за стола, положил деньги и документы в сейф, выходя из кабинета, захватил свою дорожную сумку. Черт, куда же все-таки делась записная книжка?!

Глава VI

– А выпадает ему, милочка, вот что: злой рок повис над его головой; у порога – хлопоты, связанные с червонным домом. Придет к нему король с казенного дома, с бумагами и с разговором... тяжелый будет разговор... – Руки пожилой цыганки ловко и быстро раскидывали карты, – а еще будет у него на пути пиковый король. Вот от этого короля у него и все несчастья...

– Что за король? – Виктория Иннокентьевна напряженно уставилась на ворожею.

– Того я не знаю, милочка, – цыганка насупилась, строго взглянула на молодую хозяйку дома, – но по картам выходит, что твой-то обидел его раньше чем-то, вот он и послал на него порчу.

– Ой, – молодая женщина вскрикнула, прикрыла ладошкой рот, другой рукой схватила цыганку за рукав, прошептала: – Точно, Галя, я вспомнила!

– ... Дорога выпадает... хлопоты в казенном доме, денежные траты, но должно закончиться все хорошо. В общем, все зависит от этого пикового короля, – подытожила свое гадание цыганка, сложила карты, спрятала их в свою многоярусную юбку.

– Сколько тебе, Галя? – Виктория Иннокентьевна подошла к серванту, открыла его.

– Как обычно, сто, – сухо ответила цыганка.

– Я тебе больше дам, двести, вот, возьми, – хозяйка протянула гостье двести долларов, – ты только, Галь, посоветуй, что мне делать. – Она заискивающе взглянула в глаза цыганке: – Ты ведь слышала, что с ним случилось?

– Слышала, – подтвердила Галина, ловко засунула деньги в дебри своей юбки.

– Пошли на кухню, чайку попьем. Я тебя коньячком угощу, у меня хороший, «Хенесси» называется...

– Ну, пошли, – милостиво согласилась ворожея.

За чайком и коньячком жена известного в N-ске предпринимателя Чернова повела необычную историю. В прошлом году затеял ее Олег строить дачу в заповедном лесу, в сорока километрах от N-ска. Строительство пошло с размахом: прорубили просеку два с половиной километра, засыпали ее гравием, на строительную площадку завезли стройматериалы, к зиме прямо у реки поставили коробку в три этажа. Робкие вяканья главного лесничего Управления по охране вод и водных ресурсов мэра Хабалов, ее отец, затоптал в зародыше. «А общественность, там газетенки всякие – это мелкие шавки, на которые и внимания обращать не стоит!» – так успокаивал ее Олег и откровенно плевал на всех.

Странности начались осенью. В октябре, когда рабочие возводили уже крышу над домом, стала посещать это место нечистая сила. Никто из рабочих ничего конкретного сказать не мог, но все в один голос говорили, что она рядом. То какие-то завывания и хрипы за деревьями, то тени какие-то мелькают... Олег списывал это на темноту деревенских и на чрезмерное употребление ими горячительных напитков, но прораб и архитектор – а это люди проверенные, Олег их давно знал, – они тоже подтверждали эти странные явления. Прораб божился, что собственными глазами видел, как молоток, который он положил на подоконник, *сам*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.